

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Дарья КУЗНЕЦОВА
МАСТЕР
ОРУЖЕЙНЫХ ДЕЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

В Приграничье не любят чужаков и говорят, что ветер перемен пахнет смертью. Когда на пороге оружейной лавки появился приезжий маг, ее хозяйка, мастер Нойшарэ Л'Оттар, сразу почуяла неприятности, следующие за незнакомцем по пятам. Но девушка даже предположить не могла, что короткий разговор не только перевернет ее жизнь, но и изменит судьбу Приграничья и всей страны.

Череда убийств, старые тайны, легендарные существа, непонятные чувства... Что еще принесет ветер перемен мастеру Нойшарэ?

Дарья Кузнецова

Мастер оружейных дел

© Кузнецова Д. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

* * *

*Автор благодарит за неоценимую помощь в редактуре Наталию
Лебедеву, Dilemme, Стину, Женяку, Ирину и остальной коллектив
светелки.*

Часть первая

Ветер перемен

Нойшарэ Л'Оттар

Я полусидела за стойкой, широко раскинув локти, положив подбородок на сложенные друг на друга ладони, и искоса разглядывала происходящее за стеклом. Там, снаружи, кипела жизнь. Туда-сюда сновали люди и порой медленно проползали гужевые телеги, короткие и узкие, запряженные низкорослыми степными лошадками: моторам на тесных улочках Баладара не проехать, поэтому в городе их нет. Только такие вот небольшие повозки да верховые, которых, впрочем, очень мало.

Нормальное начало нормального рабочего дня.

Впрочем, нет, не нормальное. Работать категорически не хотелось, до такой степени, что я уже почти собралась закрыть лавку и уйти в дом, заняться чем-нибудь полезным. Единственное, что меня останавливало от решительного шага, так это понимание: ни на что полезное я сейчас все равно не способна. В кузницу идти лень, решать хозяйственные вопросы — лень вдвойне. Хотелось завалиться на часок на диван с интересной книжкой, и чтобы никто не беспокоил. Решимость устроить внеплановый выходной почти успела сформироваться, но тут же разбилась мелодичным «динь-дилинь» колокольчика, возвестившего о посетителе.

Вошедший мужчина с любопытством огляделся. Вытянутое помещение три на восемь метров располагалось нехарактерно, не уходило в глубину здания, а тянулось вдоль фасада. Массивная стойка занимала один конец комнаты, остальное пространство — столы, стеллажи и все стены — заполнял товар. Дверь во внутренние помещения в углу за стойкой, да вдоль «уличной стены» два окна-витрины с входной дверью между ними — вот и вся обстановка.

Пока визитер озирался, я с не меньшим интересом разглядывала его самого. Не местный, наверняка столичный тип: светлая кожа и темные волосы отличали его от уроженцев Пограничья. В наших краях даже дворянство щеголяет ровным загаром, и «масть» распространена более светлая, вроде моей русой косы. Одет с иголочки и явно у личного портного, то есть — не простой работяга, но назвать посетителя «столичным франтом» язык не поворачивался. Его выдавала спина. Военную выпрявку ничем не выбьешь, как и повадки; да и сюртук, видневшийся под распахнутым пропыленным плащом, очень походил на форменный. Правда, я так и не смогла определить, кому принадлежит эта форма, поэтому склонялась к мысли, что сюртук сшит на заказ сообразно вкусам хозяина.

— Чем могу помочь, рен^[1]? — привлекла я его внимание и нехотя выпрямилась, когда посетитель, явно не заметив меня, медленно двинулся к ближайшей стойке с клинками, разглядывая представленные образцы. Мужчина вздрогнул и обернулся.

— Доброе утро, рена. Я бы хотел поговорить с мастером оружейником Л'Оттар, — сообщил он, снимая шляпу и приветствуя меня вежливым кивком. Взгляд с явным интересом обвел мое лицо, спустился ниже, изучая ту часть фигуры, что виднелась над стойкой. Кажется, увиденное ему понравилось: плеха плотно облегала тело и подчеркивала все изгибы и выпуклости.

На взгляд столичного гостя, наверное, смотрелась она достаточно экзотично. Плеха —

национальная одежда (и женская и мужская) Приграничья, которая представляет собой облегающую безрукавку длиной до середины бедра с боковыми разрезами до талии, шнурковой на боках и высоким воротником. Чаще всего шьется из тонкой, хорошо выделанной замши и зачаровывается от грязи и пота. Главное достоинство плехи — совсем не ее внешний вид, а тот факт, что она заодно может служить подоспешником. В этом случае на плеху надевается верда, представляющая собой короткую, едва покрывающую ребра рубаху из толстой ткани с длинными прямыми рукавами и широкой горловиной.

На губах посетителя появилась явно заинтересованная улыбка, он открыл рот, чтобы еще что-то сказать, но я предпочла назваться сразу, дабы избежать конфликта:

— Вы с ним уже разговариваете, рен.

Мужчину сложно в чем-то обвинять, вполне типичная реакция: те, кто меня не знает, редко принимают всерьез. Незачем из-за этого ругаться, как бы ни подталкивало к тому дурное настроение.

Он подошел ближе и позволил разглядеть себя внимательней. Высокий, я смотрела на него снизу вверх, и даже, наверное, красивый, не просто симпатичный. Породистый нос с легкой горбинкой и высокие скулы придавали узкому лицу волнующую хищность, а глубокие темные глаза зачаровывали и, кажется, заглядывали в самую душу. Улыбка ему очень шла, но почему-то добавляла усталости и возраста.

— Вы?! — с удивлением протянул он.

Я ответила выжидательным взглядом. На какое-нибудь неприятное замечание готовилась и почти хотела ответить откровенной грубостью: например, предложить поискать настоящего мастера под столом или сообщить, что я его убила и съела.

Несколько долгих секунд на лице посетителя боролись эмоции, но потом он все же одернул себя.

— Прошу прощения, мастер. — Мужчина склонил голову в безукоризненно вежливом поклоне. — Я не сумел представить вас...

— В кузне? — понимающе хмыкнула я, тоже оттаяла и взяла себя в руки. Нечего срывать дурное настроение на потенциальных клиентах, тем более — приличных и явно не бедствующих. И вообще, среди людей, привыкших командовать, способность признавать свои ошибки — большая редкость, и стоит проявить снисходительность хотя бы из-за одного этого. — Работа мастера заключается не в том, чтобы раздувать мехи и махать молотом. Так чем я могу помочь? Желаете выбрать подарок? Или, быть может, боевое оружие? — предложила вкрадчиво. Тип явно при деньгах, почему бы не воспользоваться? — Могу показать несколько чудесных клинков.

— Нет, благодарю. — Он качнул головой и полез в карман плаща. — Оружие я предпочитаю делать на заказ.

Я удовлетворенно кивнула. Гроку ясно, что оружие, заказанное под свою руку и свою ауру, по всем параметрам превосходит даже очень хорошее, но — чужое. Приятно работать с понимающими людьми.

— Нужна консультация по поводу одного экземпляра. — Он извлек из кармана плаща нечто, завернутое в белый платок, оказавшееся кинжалом в ножнах. — Мне сказали, что вы единственный серебряный мастер в городе.

Я кивнула, подтверждая эту информацию. Уровень мастерства оружейника отмечается цеховым медальоном с изображением клинка на щите. Обычно щит черный, белым могут похвастаться только потомственные мастера, занимающиеся этим делом не меньше десятка

поколений, а клинок зависит от заслуг конкретного специалиста. Высший — медный, мастеров такого уровня очень мало, около двух десятков на весь Туран. Следующий серебряный, потом золотой, потом железный, а начинающие мастера и подмастерья довольствуются щитом без клинка. Насколько я знаю, такая странная градация сложилась без особого умысла: в давние времена медальонов не было вовсе, потом захотелось выделить мастеров, и появился медный клинок, потому что железа тогда не знали. А потом добавились символы из других металлов, но не обесценили медный, а, напротив, превознесли. Даже в чем-то символично, ведь именно с меди начиналось наше ремесло.

И — да, я действительно единственный серебряный мастер из восьми, работающих в Баладдаре.

Я не глядя протянула руку к стойке и выудила пару перчаток, металлически поблескивающих мелкими чешуйками. Тонкие, эластичные, они облегали ладони как вторая кожа и не мешали работе.

— Позвольте? — Одной рукой взяла клинок, второй нашарила выключатель, и над стойкой разлился идущий из ниоткуда холодный белый свет, при всей своей яркости совсем не слепящий глаза.

Покрутила кинжал, не спеша освобождать его от ножен. Простая рукоять без украшений, точно такие же ножны, все это достаточно грубое и потертое, но пока не спешащее разваливаться.

— Как интересно, — мурлыкнула себе под нос и медленно, осторожно, как сапер, извлекающий из бомбы взрыватель, потянула кинжал за рукоять. В мертвом бесстеневом свете тускло блеснуло матово-серебристое лезвие. — Очень интересно, — повторила, внимательно разглядывая оружие.

— Что именно? — подал голос посетитель.

Я мельком глянула на мужчину и растерянно качнула головой: он напоминал сейчас гончую, взявшую след.

— Позвольте уточнить, какого рода информация вас интересует?

— Вся, — коротко ответил посетитель. — Все, что вы можете сказать про этот кинжал.

— Нож хорошего качества без Клейма, выполнен моим коллегой.

— Вы ведь имеете в виду не подпись мастера, верно? — насторожился он.

— Верно. Существует клеймо, знак авторства, и Клеймо. — Я интонацией выделила последнее слово, которое всегда писалось с заглавной буквы. — Часть силы мастера, особое магическое плетение, которым он скрепляет нити силы оружия. Без Клейма, то есть без участия оружейника, любой клинок останется оружием, но не сможет взаимодействовать с магическими потоками. Однако есть еще один вариант, который мы наблюдаем здесь: Клейма нет, а магия создателя присутствует. Вы сталкивались с подобными образцами?

— Сталкивался, но выслушаю и ваши пояснения, — ответил мужчина. — Интересно знать, насколько мои представления соответствуют действительности.

— Клеймо делает клинок энергетически замкнутым, как обычное заклинание. Уровень магии, которой такое оружие может противостоять, зависит от плотности плетения и силы Клейма, то есть — вполне предсказуем. Клинок же без Клейма представляет собой ненасыщенную высоковалентную структуру и может частично поглощать магию. Идеальный случай, когда потенциал клинка после соприкосновения с силовыми линиями заклинания скачкообразно возрастает до потенциала этого самого заклинания, и оно разрушается. Ну и клинок при этом не страдает, — как по учебнику заговорила я, не забывая поглядывать на

посетителя. Тот слушал мои объяснения с неожиданным пониманием и интересом.

— Возвращаясь же к этому конкретному образцу, скажу: он не идеален, действует на чары первого, максимум — второго уровня. Можно было сделать лучше, но вопрос, надо ли? Для каких-то целей хватило бы и этого. Например, для некоторых ритуалов нежелательно присутствие сторонних сил вроде Клейма, но при этом требуется взаимодействие с силовыми линиями. Насчет сложности... хорошему мастеру не составило бы труда справиться с подобным. Особенno если он знаком со структурами без Клейма и регулярно с ними работал. Скажем, я бы смогла сделать такой клинок без предварительной подготовки всего за несколько дней. Так что личность оружейника вам вряд ли удастся установить. Далее. Клинку чуть больше четырехсот лет, плюс-минус лет двадцать. Подобного рода обработка стали использовалась как раз тогда и очень недолго, потом нашли более простой и эффективный способ. Что касается места возможного производства — гадать бесполезно, никаких характерных особенностей, так мог работать мастер в любой из существовавших тогда стран. Рукоять заменена недавно, буквально несколько лет назад, и совершенно точно не профессионалом. Бездарнейшая работа. Предполагаю, замена произведена в связи с утратой оригинала. Таким ножам обычно делают деревянные, реже костяные рукояти, и они куда сильнее подвержены влиянию времени, чем насыщенный силовыми линиями клинок. Да и некоторые другие следы на материале позволяют предположить, что нож найден сравнительно недавно в месте, где условий для сохранения его в первозданном виде не было. Ножны явно составляют пару с рукоятью, такая же кустарщина. По части происхождения все, теперь о его хозяевах. Предыдущий был варварам.

— В каком смысле? — растерянно уточнил клиент.

— В переносном. — Я поморщилась, скрывая смущение. — Заточка, мягко говоря, не профессиональная, почти изуродовали хороший нож. Либо человек вообще не знаком с оружием, либо не знаком с такими вот ножами: углы совсем не подходящие, но так точат клинки некоторых мечей. И я бы поставила на второй вариант, потому что полный профан не сумел бы соорудить рукоять, а она хоть и оставляет желать лучшего, но достаточно удобна и хорошо закреплена. Что еще... оружие это не лежало без дела. Во всяком случае, после смены рукояти — точно.

— Поясните.

— Им убивали, — просто ответила я, пожав плечами. — Не пускали кровь, а именно убивали. Причем много. Я могу разглядеть что-то около десяти смертей.

— С момента находки? — напряженно уточнил мужчина.

— Увы, нет. За пару месяцев. — Я развела руками. — Дальше нож уже не помнит — слишком много свежей крови. Так что предположительно нож этот принадлежал либо профессиональному и весьма успешному убийце, либо маньяку, либо... профессиональному маньяку-убийце, то есть — кому-то из Пограничных. — Я хмыкнула. — Этот вариант косвенно подтверждается и неправильной заточкой, потому что мечи у Пограничных как раз нужного типа.

— Пограничной страже? — растерянно переспросил мужчина. — Они разве убивают людей?

— Серые с точки зрения оружия мало отличаются от людей. Гораздо меньше, чем некоторым хотелось бы, — пояснила ему.

— «Некоторым» с какой стороны границы? — полюбопытствовал собеседник.

— Полагаю, с обеих, — серьезно кивнула я. — Впрочем, это было просто

предположение: слишком нехарактерное оружие для Пограничных, тем более — чтобы им убивать. И уж тем более — чтобы убивать им Серых! С тем же успехом можно вооружиться, скажем, шилом. Или зубочисткой. Скорее я бы предположила, что его прошлый хозяин — разбойник-головорез, — протянула философски, продолжая вертеть оружие в руках. — Привычный к прямым клинкам вроде тех, которыми пользуются стражи.

— Есть что-то еще, что вы можете сказать про этот нож? — проницательно спросил посетитель, видя, что я не спешу возвращать предмет обсуждения.

— Я не знаю, стоит ли, — честно призналась, пряча кинжал в ножны и аккуратно выкладывая его на поверхность стойки.

— То есть?

— Официальная наука отрицает даже саму возможность существования подобного, — засомневалась я, но, видя заинтересованность клиента, сдалась. Пусть лучше считает меня суеверной, зато совесть будет чиста. — Это нехороший нож, рен. Очень нехороший. Считается, что у вещей нет своей воли, и про остальные предметы я не скажу, но оружие, тем более — старое, да еще попробовавшее крови... У него возникает нечто вроде примитивного интеллекта. Так вот, этот нож очень любит кровь, до фанатизма, и он не заразился этим от последнего владельца, могу вас уверить. Такое не происходит за пару лет. Нет, понятное дело, сам он на вас не бросится, но принести несчастья может и наверняка это сделает. А если, не дай Кузнец, попробует вашей крови, тогда не успокоится, пока не выпьет вашу жизнь. В это довольно сложно поверить, но... Вы же в курсе, что страстные, навязчивые желания имеют свойство сбываться? Так вот, это будет именно такое желание. Принадлежащее всего лишь ножу, но тем хуже: оно окажется слишком определенным, конкретным и чистым, и оттого — слышним богам. Он вас уже сейчас за что-то не любит. Можете считать это чистой воды суеверием, но я не советую вам лишний раз вынимать клинок из ножен, не надев перед этим специальных перчаток. — Я красноречиво кивнула на собственные, которые в этот момент как раз стягивала.

— Спасибо за консультацию, мастер, — задумчиво протянул мужчина и коротко поклонился. Видимо, мои слова оказались убедительными, потому что ножны он сразу завернул в платок, не прикасаясь голыми руками. — И отдельное спасибо за предупреждение. Я не считаю подобные вещи суеверием. Всего доброго, — попрощался он, улыбнувшись, и положил на стол серебряную монету в качестве платы за консультацию.

— И вам удачи, — напутствовала я. Надев шляпу, мужчина покинул мою лавку. Я полагала, что навсегда, но вернулся посетитель очень быстро: не успела закрыться дверь, как снаружи прогремел взрыв.

Я присела от неожиданности, закрыв голову руками, но окна выдержали (не зря деньги потратила!). Зато не выдержала дверь, она влетела внутрь вместе с только что покинувшим меня «счастливым» обладателем странного кинжала.

— Поднять щиты! — гаркнула я, перекрывая доносящийся с улицы шум — крики, стоны, плач. По уцелевшим окнам и опустевшему дверному проему зазмеились льдисто-голубые плети защитного заклинания. — Ла-ар! — заорала, рискуя сорвать голос, выбралась из-за стойки и поспешила к мужчине, который не подавал признаков жизни.

— Да иду я, иду, — раздался со стороны внутренней двери ворчливый голос. На пороге стоял, словно бы раздвигая стены плечами, верзила с полуторным мечом и многозарядным пистолем наготове. — Что тут у тебя?

— Иди, глянь, ты в целительстве больше моего понимаешь, — попросила его.

Все, на что меня хватило, это понять, что недавний посетитель еще жив. Каким-то чудом его не убило взрывом и даже не поцарапало чем-то из моего же оружия, часть которого обрушилась со стены, а часть — с упавших стеллажей. Но мужчине и без того досталось: когда-то белая рубаха выглядывала в прорехи камзола багровыми клочьями. Плащ распахнулся и раскинулся по бокам от раненого темными крыльями.

Ларшакэн, верный друг и помощник, доставшийся мне «по наследству» от отца, только кивнул и, отложив клинок, присел рядом с пострадавшим. Я же, вооружившись засеком и коротким прямым мечом, скользнула к входу, пытаясь сквозь всполохи заклинания рассмотреть улицу. Не вполне доверяя защите, выглянула из-за стены.

— Ну, что там? — окликнул меня Лар.

— Тихо. Поблизости оказался пяток Пограничных, так что, считай, порядок наведен. Кажется, единичное воздействие.

— Больше тебе скажу, механическое взрывное устройство. Террористы какие-то, — брезгливо прокомментировал незаменимый мастер на все руки.

Я обернулась на тихое звяканье. Оказалось, пока я изучала происходящее за периметром, Лар уже начал операцию: по пояс освободил пациента от одежды и теперь вдумчиво выколупывал из пострадавшего какие-то металлические предметы.

— Ты справишься? Помощь нужна? — практически осведомилась, складывая оружие на стойку и опускаясь на корточки с другой стороны от пострадавшего.

— Лучше бы целителя, но, боюсь, у них и так сейчас дел невпроворот, на улице была толпа народа. Справлюсь. То ли рвануло далеко, то ли, что вероятнее, у него стояла защита: поражающих элементов немного. — Орудя пинцетом и тонким стилетом, прокаленными на зажигалке, Лар извлек очередной кусок металла, в котором легко можно было опознать покореженный шурп. Основная часть повреждений пришлась на грудь — ни голова, ни ноги не пострадали. — Принеси спирта из кузницы и аптечку. И Кану попроси...

— Не надо Кану просить, Кана уже сама пришла, — послышался голос все от той же внутренней двери. Кана — третья и последняя обитательница моего дома, тоже незаменимая: она следит за порядком, за нами с Ларом и заодно помогает в лавке.

Кана — местная уроженка, крепкая рослая женщина с длинной пшеничного цвета косой — вечное средоточие оптимизма и порядка. Даже угрюмый здоровяк Лар, бывший Пограничный с иссеченной шрамами мордой («мордой» — это по собственному убеждению мужчины, и с очевидным трудно спорить: при всем добродушии великана, его лицом можно пугать детей и слабонервных взрослых), прошедший все варианты Преисподней, иногда робел перед этой симпатичной женщиной средних лет.

Вообще, глядя на них, я все никак не могла понять, почему два одиноких человека, проживших в доме бок о бок лет десять и понимающих друг друга с полуслова, до сих пор не поженились? Пожалуйста, наглядный пример взаимопонимания без лишних слов: только он начал ее искать, а Кана уже тут как тут с тазом теплой воды, полотенцем и аптечкой.

Пока старшие оказывали помощь пострадавшему, я принялась за уборку, стараясь не мешаться под ногами. Правда, перед этим перенастроила свет, добавив яркости над «операционным столом». Лар проворчал нечто благодарственное, не прерывая своего экстренного дела. Минут через десять, когда я с кряхтением и тихой руганью сумела поднять один из стеллажей и уложить на него образцы, коротко брякнул звонок. Обернулась. За пеленой защитного заклинания стоял, сложив за спиной руки, достаточно молодой законник в темно-сером следовательском мундире с лейтенантскими нашивками.

— Опустить щиты, — скомандовала я в потолок, и ленты чар послушно втянулись в недра дверной коробки. — Здравствуй, рен Ла'Ташшор, — приветствовала его улыбкой. Всех городских следователей я знала в лицо, им часто приходилось пересекаться со мной по рабочим вопросам. А этого — так особенно хорошо. — Как обстановка?

— Здравствуй, Нойшарэ. — Он слегка улыбнулся в ответ. — Целители сбились с ног, но вроде бы умерших пока нет. А это кто? — Мужчина кивнул на пациента.

— Посетитель, — не нашла я нужным что-то скрывать. — Приходил за профессиональной консультацией. Рвануло, когда он выходил.

— Приезжий, — задумчиво протянул следователь.

Работники системы охраны правопорядка избегают куда более распространенного в этих местах слова «чужак». Точнее, им предписывается его избегать: с обычных людей глупо за такое спрашивать, а вот от государственных служащих требуют корректности.

Приграничье — это буферная зона между плоскогорьем, на котором обитают Серые, и человеческими землями. Естественной границей служит тектонический разлом, трещина с почти отвесными стенами. Ширина разлома меняется, в некоторых местах стены смыкаются плотно, и именно там находятся крепости и города Приграничья. Баладдар же, часто называемый сердцем Приграничья, расположен на широчайшем из перешейков.

Чтобы приезжему стать в Приграничье своим, нужно здесь жить, завести детей и умереть. И тогда внуки этого покойника при условии, что все три поколения хорошо себя зарекомендуют, перестанут считаться чужаками. Но окончательно своими станут поколений через пять-шесть, и то при хорошем раскладе. Исключения, конечно, случаются, но — именно исключения, очень редкие.

Такой подход прост и логичен: когда живешь в состоянии перманентного военного конфликта, волей-неволей начинаешь доверять только проверенным людям. Среди местных нет преступников крупнее уличных воришек, нет серьезных размолвок. Человек никогда не предаст человека, иначе здесь просто не выжить. Потому что есть свои — люди, и чужие — Серые. Местные это понимают и поэтому недолюбливают приезжих, которые еще не усвоили этой простой истины. Но все равно, когда доходит до серьезного дела, понятие «чужие» имеет только одно значение, определяемое видовой принадлежностью.

— Похоже, из столицы, — согласилась с ним. Заметив, что я с пыхтением поднимаю стеллаж, лейтенант кинулся на помощь, и вдвоем мы одним рывком водрузили конструкцию на место. — Уф, спасибо. Мне показалось, это офицер, может, бывший.

— Документов нет, — отозвалась Кана. — Наверное, в какой-то гостинице остановился.

— Ничего кказанному дамами добавить не могу, — пожал плечами отставной Пограничный. — Я согласен с Ойшей, явно военный. Мускулатура развита, и развита очень знакомо, чувствуется хорошая военная школа. И хорошие целители.

— То есть?

— Видел пару старых шрамов, едва заметных, которые имели шансы стать смертельными ранами, но он жив. Значит — своевременно оказались рядом хорошие целители.

Лейтенант подошел поближе к раненому, внимательно взгляделся, запоминая лицо. Потом кивнул в такт каким-то своим мыслям.

— Поспрашиваю, — кивнул Ла'Ташшор. — Вы его подержите у себя?

— Да, конечно, — махнула рукой, раскладывая оружейные образцы на законные места. — Глупо его куда-то тащить, и так досталось бедолаге. Свидетели-то есть?

— Ищем, — поморщился лейтенант. — Но, скорее всего, все свидетели сейчас в руках у целителей: бабахнуло на тротуаре, прямо под вашими окнами. Шумно, но не так уж сильно. Белый знает, зачем и кому это понадобилось! Ладно, не буду вам мешать.

— Удачи, Таймарен, — напутствовали мы законника и продолжили заниматься своими делами.

Где-то через час невезучий посетитель, обмазанный терпко пахнущей зеленою дрянью из личной аптечки Ларшакэна и плотно перебинтованный, был устроен в жилой части дома. Я к тому времени навела относительный порядок в лавке, при помощи Лара навесила дверь, и теперь уже ничто не напоминало о случившемся, если не считать нескольких разбитых стекол в витражной двери и образовавшихся после падения оружия выбоин в досках пола. К счастью, сам товар не пострадал.

Время едва подобралось к полудню. За окнами уже вновь сновали люди, торопящиеся по своим делам. Раненых увезли быстро, место происшествия осмотрели еще быстрее, и город вернулся к привычному течению жизни. Как быстрая река, в которую бросили камень: звонкий «плюх» мгновенно смыво набегающим потоком.

Обычное утро в Приграничье.

До вечера появилось еще несколько покупателей, но обошлось без происшествий.

Приходил курьер с заказом от Пограничных. Для них все мастера, не только оружейники, периодически выполняют заказы с чисто символической оплатой, которой хватает только на материалы. Но никто не спорит, наоборот, стараются сделать получше, даже если себе в убыток: качественное снаряжение стражей спасает многие жизни, и речь не только о жизнях самих воинов.

По-хорошему, эти расходы должно компенсировать государство. Оно и компенсирует, причем, на неискушенный взгляд, с лихвой: довольствие Пограничных даже выше, чем у Королевской гвардии. Только для закупки нужного снаряжения по рыночным ценам в достаточном объеме необходимо повысить его раза эдак в два. Но в столице либо не понимают реального положения дел, либо понимают, но их полностью устраивает, что жители частично содержат Пограничных на свои деньги. Жители ворчат, но не спорят: от Пограничной стражи напрямую зависят наши жизни. Нет, зависит судьба всего королевства и даже, возможно, соседей, но это — уже потом, уже после регулярной армии. А здесь расклад проще: Серые-Пограничные-Приграничье. И каждый считает своим долгом внести как можно больший вклад в укрепление среднего звена.

Еще заходил заказчик за перележавшим неделю товаром и очень извинялся за задержку. Непонятным ветром занесло чудаковатого коллекционера, который часа два трепал мне нервы, но вознаградил за терпение приятной суммой, забрав пару плодов моего творчества: качественные, хорошие, по-настоящему уникальные парные клинки, созданные в порыве вдохновения, которые почему-то категорически не желали покидать лавку уже третий год. Еще один непонятный тип, похожий на охотника, взял тяжелый боевой нож и четыре комплекта метательных ножей.

В общем, если бы не утренние события, я бы назвала день удачным.

Подняв щиты и погасив свет, пробралась в столовую, она же — кухня, она же — гостиная. Не знаю, кто делал планировку этого дома, но большую часть верхнего этажа занимает эта просторная комната, разгороженная только рядом опор, держащих на себе стропила крыши. Остальное пространство делят между собой несколько спален, три из

которых числятся за постоянными обитателями, а еще две остаются «про запас». К приему гостей их нужно долго готовить (как минимум найти где-то в недрах кладовых матрацы), поэтому пострадавшего и устроили на диване в большой комнате.

Кладовые, к слову, занимают внушительную часть первого этажа между лавкой и одноэтажной кузницей-мастерской. По гордым заверениям Лара, там можно найти все что угодно, и я охотно в это верю. Честно говоря, оглядывая непостижимым образом систематизированные завалы, которые успел накопить этот хомяк-переросток, я каждый раз ожидаю, что на меня оттуда кто-то выпрыгнет. Например, одичавший Пограничный или заблудившийся в незапамятные времена отряд Серых.

В самом цивилизованном и аккуратном помещении дома обнаружилась Кана, которая сидела в кресле неподалеку от незваного гостя и вязала. Выглядела она при этом очень непривычно, но уютно. Я запоздало вспомнила, что женщина давно уже обещала Лару шарф (у того от малейшего сквозняка сразу прихватывало шею — последствия застарелой травмы) и третьего дня наконец-то приобрела нужную шерсть.

— Как он? — тихо поинтересовалась, подходя к плите и засовывая нос поочередно во все кастрюльки и сковородки.

— Не очень, — честно откликнулась женщина также вполголоса и душераздирающе зевнула. — Думаю, ночью будет жар, придется дежурить.

— Давай посижу, — предложила я. — Как раз книжка хорошая попалась, дочитаю.

— Книжка хоть про любовь? — хихикнула Кана.

— В том числе, — уклончиво ответила ей, решив не разочаровывать. Книга содержала сравнительный анализ трех основных способов наложения плетений в процессе ковки. Если верить оглавлению, я наконец-то нашла труд, в котором приводилось подробное изложение сдвигов и поправок этих плетений в зависимости от структуры металла, а не обычные безликие фразы с рекомендациями, для какого случая что лучше использовать.

Где-то через час домоправительница помыла посуду, распрощалась и ушла спать, а я приняла вахту у постели больного.

Плохо ему стало к трем часам ночи. О книжке я уже не вспоминала, сидела на стуле у изголовья кровати и едва успевала менять примочки, бормоча жаропонижающие заговоры. Конечно, целитель из меня никакой, но в комплекте с лекарством, с трудом влитым сквозь стиснутые зубы, и настоем для примочек должно было сработать. И прежде работало неплохо, во всяком случае, с Каной, когда та прошлой зимой сильно заболела.

Но сейчас то ли зелье выдохлось, то ли случай был особый, то ли настой какой-то не такой, то ли заговоры мои на этого пациента влияния не оказывали, однако лучше ему не становилось. Первое время на лице несчастного выступал пот, потом от озноба начали стучать зубы. Потом температура вроде бы пошла на спад, но мужчина стал метаться, кого-то звать — неразборчиво, сквозь сжатые зубы.

Встревоженная, я со стула пересела поближе к нему на диван и, придерживая за плечо одной рукой, принялась твердить все целебные заговоры, какие знала, перемежая их простым успокаивающим бормотанием.

А потом он выгнулся дугой, едва не уронив меня с дивана, и распахнул глаза — пустые, совершенно черные. Когда по плечам мужчины побежали фиолетовые искры и постепенно стали концентрироваться на кончиках пальцев, я ахнула и припомнила пару самых грязных ругательств, какие знала.

Вот только невменяемого ужастика в доме мне не хватало для полного счастья! Как мы

вообще проглядели, что он маг?! Ужастик в горячечном бреду сотрет с лица мира десяток кварталов, если не целый город (кто знает, какая у него ступень?!), а сам останется жив и здоров, потому что стихия как хороший пес — хозяина не кусает.

Ужастиками в народе называют Повелителей Ужаса, магов-разрушителей, самых сильных из боевых магов. Естественная попытка за щуткой спрятать страх и непонимание, да и короче, опять же и звучит не так пафосно.

Я в панике заметалась, не зная, что предпринять. Оставить как есть — ударит, попытаться привести в себя посредством холодной воды или пощечин — тем более ударит. Куда ни плюнь — всюду рожи! Надо его как-то удивить, отвлечь, шокировать, чтобы он не воспринял мои действия как угрозу и проснулся просто от неожиданности...

И я решилась на единственный достаточно безобидный и неожиданный вариант, пришедший в голову. Отчаянно мысленно матерясь (икалось половине пантеона, всем Серым и еще паре десятков знакомых и незнакомых живых и покойных людей), я своим незначительным весом навалилась на мага и запечатала ему рот поцелуем. Со всей самоотдачей и безоглядностью бросающегося на амбразуру героя.

Отреагировал он, к счастью, так, как и требовалось. Ну, почти... Перехватывать меня поперек туловища и заваливать на диван, подминая под себя, было совсем не обязательно.

«Только бы ребра не поломал!» — мелькнула заполошная мысль, и я сдавленно запищала, потому как на более активные действия решиться так и не смогла. Во-первых, он значительно сильнее, даром что в бреду и раненый. Можно сказать, я на собственной шкуре почувствовала все прелести «хорошей военной школы», помянутой давеча Ларом. А во-вторых, кто знает, как он, невменяемый, отреагирует сейчас на попытки жертвы спастись бегством?

Бездонно-черные глаза моргнули и стали нормальными, человеческими. От облегчения я даже прекратила жалобный писк: миновала гроза, очнулся!

Растерянно и часто моргая, он отстранился, ослабил хватку. Я наконец-то смогла сделать полноценный глубокий вдох и тут же, приободренная, принялась мягко, но настойчиво выворачиваться из объятий мага. Он не сопротивлялся, даже по собственной воле увеличил расстояние между нами, с трудом сел и заозирался.

Пока пациент ощупывал повязки, я с искренним облегчением сползла на прохладный пол, только тут заметив, что меня саму бросило в жар. И не поймешь, не то от страха, не то... нет, не хочу об этом думать!

— Кто ты? Где я? — осипшим голосом выдавил мужчина. Потом поднес руку к голове и осторожно улегся обратно на диван; видимо, сидеть было тяжело. — Почему я тебя целовал? Ничего не помню...

— Я бы тоже очень хотела узнать, кто ты такой, — прикрывая ехидством смущение, поднялась на ноги, одернула плечу и поправила ремень. Подвинула стул поближе, вооружилась миской с прохладным отваром и, не слушая возражений, плюхнула едва отжатую тряпку на лоб очнувшегося ужастика. Полегчать-то ему полегчало, но жар все равно не спадал. Мужчина поначалу попытался увернуться, но когда прохладная примочка таки шмякнулась на лоб, смирился и даже облегченно выдохнул. — А целовала тебя я. Ну, во всяком случае, так это выглядело изначально.

— А... почему? — осторожно уточнил он, справедливо подозревая подвох.

— Потому что, если ты еще не заметил, ты ранен. Из-за этого... ну или из-за чего-то еще, я не целитель, у тебя началась горячка. И ты буквально пару минут назад стал

рефлекторно призывать магию. Видимо, привиделось что-то такое. А этот город и собственная жизнь мне дороги, и очень не хотелось потерять все из-за бредящего ужастика.

— Горячка, — вяло протянул он. — Я тебя вспомнил. Ты оружейник.

— Угу. Если тебя интересует загадка твоего перемещения из моей лавки на диван, да еще в таком виде, нет ничего проще. Едва ты вышел из лавки, какой-то умник рванул на тротуаре самодельную бомбу, и взрывной волной тебя вместе с дверью вернуло обратно. Мы тебя подлатали и притащили сюда.

— А почему сюда? — тихо уточнил он.

— Бомба взорвалась на улице, — терпеливо пояснила я. — Количество пострадавших исчисляется десятками, а твои раны оказались не столь серьезными, чтобы немедленно тащить к целителю, но достаточными, чтобы лишний раз не кантовать.

— Ты оказала мне медицинскую помощь, с иронией называешь «ужастиком», хотя только что предотвратила уничтожение ближайших окрестностей, и совсем не боишься. Ты очень странная девушка, — прикрыл глаза, пробормотал он.

— Добро пожаловать в Приграничье, — не удержалась я от смешка. — Мы тоже слышали страшные сказки про ужастиков, некоторые даже видели вашу братию в деле и искренне прониклись. Только все мы без исключения видели Серых. Когда на город прет лавина тварей, считающих тебя пищей и получающих искреннее удовольствие от человеческих воплей и боли, вот это — страшно. И то здесь никто не паникует, потому что мы выросли с этим страхом. При всем моем уважении к твоим талантам, ты здорово недотягиваешь до них в своей кошмарности. То же относится и к твоему первому замечанию: в Приграничье людей не бросают, это вопрос выживания.

— Как вы тут существуете? — пробормотал он.

— Хорошо существуем, — хмыкнула я. — Зато мы по-настоящему доверяем друг другу. Не слышала, чтобы этим могли похвастаться жители столицы. Ладно, довольно болтовни, тебе нужно спать. Если что — я рядом, стони. — Переменив примочку (жар спадал буквально на глазах), я вернулась в покинутое пару часов назад кресло, где и вооружилась оставленной книжкой.

Сон одолел мага почти в то же мгновение, когда закрылись его глаза. Я сидела, прислушиваясь к ровному — ну, хвала богам! — дыханию пациента, единственному (если не считать тикалья ходиков) звуку в тяжелой тишине старого дома, и никак не могла сосредоточиться на чтении. Вновь и вновь прогоняла в голове события дня, начиная с того ножа, что принес лежащий на диване маг. Меня терзали смутные нехорошие предчувствия, опровержения которым найти никак не удавалось, зато подтверждений имелось множество. Да одного того, что наш гость — Повелитель Ужаса, хватило бы на десяток плохих предчувствий, потому что ребят этих очень мало, и корона их очень ценит.

Согласно официальной теории мироустройства имеются полусфера Хаоса и полусфера Порядка, в которые входят все стихии. Понятие «хаос» здесь употребляется не столько в метафизическом смысле, как изначальное ничто, сколько в более приземленном. Несмотря на условное деление сферы пополам, магов полусфера Хаоса на практике намного меньше, среди них существует всего две специализации — тьма и смерть. Первой владеют собственно Повелители Ужаса, боевые маги этого направления, второй — некроманты, условно «мирная» специальность. Иногда к полусфере Хаоса относят и архаичные техники вроде шаманизма или оружейного дела, но они лежат скорее на границе двух областей.

Значит, я угадала, он на самом деле офицер, вот только однозначно не отставной: такие

боевые маги «бывшими» не бывают, тем более в сравнительно молодом возрасте. Тогда что он тут делает? Глупый вопрос, наверняка выполняет какую-то важную миссию! И снова все упирается в нож. Не простое любопытство привело ужастика ко мне, все та же работа, и кинжал с ней связан.

Может ли ужастик расследовать убийства, совершенные этим ножом? Или одно из убийств? Если да, то снова вопрос: как столичного жителя занесло в наши края?

Убийство совершено где-то здесь. Или нож этот найден здесь. И взрыв, надо полагать, являлся попыткой покушения на мага. Или предупреждением?

Но кто же он все-таки такой? А я ведь даже имя не спросила!

Мысли окончательно перескошили на личность ужастика, в памяти всплыли наиболее впечатляющие моменты нашего знакомства. Черные пустые глаза и колючие искорки силы, бегущие по рукам. И сами эти руки, обжигающие горячие, крепко, почти до боли стиснувшие меня в объятиях. И тяжесть сильного тела, прижимавшего к дивану. Приятная, волнующая тяжесть...

От последней мысли я вздрогнула и едва не выронила книжку.

Какого, слуги Белого, приятная?!

Постаравшись быть максимально честной с собой, я поняла — да, все именно так. Сейчас, когда миновала угроза, когда ужастик спал, можно было оглянуться назад и признать, что тот поцелуй мне понравился. Даже, наверное, стоило признать, что понравился и сам маг. Еще при первой встрече, на подсознательном уровне, а потом это самое подсознание предложило решение сразу нескольких вопросов — поцелуй.

Придя к таким выводам, я искренне ужаснулась. Теоретически в вопросе отношений полов я была подкована отлично, но эмоции, которые вызывал этот мужчина, оказались незнакомыми, непривычными и оттого — пугающими.

Но самое главное, от всего, связанного с ужастиком, пахло большими переменами, а большие перемены всегда к худшему. К хорошему приходится идти медленно, неторопливо, маленькими шажками. Жизнь развивается постепенно и трепетно, как проклевывается росток, как куется клинок. А внезапно и много бывает только боли: так приходит смерть, так проводят свои рейды неугомонные Серые.

Попытавшись отвлечься от тяжелых дум — как известно, они очень любят приходить именно ночью, — я вновь уткнулась в книгу и сама не заметила, как уснула. Наверное, первый раз в жизни уснула с книгой в руках.

Проснувшись от тихого скрипа, вскинула голову и огляделась в поисках источника опасности. И почти тут же наткнулась взглядом на поднявшегося с дивана мага.

— Прости, не хотел тебя будить, — виновато проговорил он.

— А? Нет, ничего страшного. — Я помотала головой, зевая и растирая ладонями загривок. Шея успела затечь, но остальное в организме вроде бы функционировало нормально.

— Раз уж ты проснулась, скажи, пожалуйста, а где...

— Там. — Я махнула рукой в сторону коридора. — В конце коридора, дверь слева. А вообще сядь, давай помогу с повязками, и ты заодно примешь душ.

— Их уже можно снимать? — удивился он, покорно садясь.

— Их придется снимать, все равно мазь нужно сменить. — Я пожала плечами и выбралась из кресла. — А ты пока расскажи, как умудрился выжить и поставить защиту от взрыва?

— Я ее не ставил, — поморщился мужчина в ответ.

— Значит, это чудо? — уточнила ехидно.

— Нет, не в этом дело. Я защитные чары никогда не снимаю, это уже вьевшаяся привычка. Постоянно поддерживать самые мощные заклинания, конечно, никаких сил не хватит, но на чары вполне приличного уровня я все же способен. К тому же я заметил, что в меня летит какой-то предмет и, кажется, успел сконцентрироваться на защите.

— Полезная привычка, — похвалила задумчиво. — То есть не в первый раз с тобой такое?

— Да как тебе сказать, — со смешком проговорил он. — На улице меня взрывают впервые. Надеюсь, здешние следователи что-нибудь накопают. Они ведь будут копать или надо написать заявление?

— Думаю, они уже этим занимаются, не ты один пострадал, — заверила его и сосредоточилась на осмотре.

Когда прощупала и едва ли не обнюхала все точки приложения мази, подтвердила прежний вердикт: повязки надо сменить. Маг наблюдал за мной с интересом, но помогать, к счастью, не пытался и потому не мешал.

— Какая чудодейственная мазь, — медленно проговорил он, нарушив тишину.

Я осторожно разматывала повязки, внимательно разглядывая места ранений. Секретная мазь Лара, которую ему готовил какой-то старый надежный приятель по службе, вновь показала себя с лучшей стороны: ранки покрылись сухими корками, вокруг них не было признаков воспаления, да и бинты не присохли к коже.

Одно меня неимоверно раздражало: из-за ширины плеч мага мне приходилось периодически буквально прижиматься к нему, чтобы дотянуться до противоположной стороны, и в такие моменты подкатывало смущение.

«Скорее бы ты наконец уехал!» — раздраженно подумала я, но вслух сказала другое:

— Мазь действительно хорошая, но главная причина твоего быстрого выздоровления в том, что раны несущественные. Лар повозился, вытаскивая из тебя всякую мелочовку, но ни один из осколков не вошел глубоко. Хорошая «легкая защита». — Я искоса глянула на пациента.

— Какая есть. — Он пожал плечами.

Я же в очередной раз напомнила себе старую поговорку Приграничья: «Ветер перемен пахнет смертью». И лучшее, что можно сделать в данной ситуации, — не привлекать внимания и надеяться, что ветер сменит свое направление. Проще говоря, что маг уедет до того, как будет поздно. Поэтому предпочла замять тему и не задавать вопросов «кто ты на самом деле?» и «где ты выработал такие привычки?».

— А кто такой Лар?

— Лар — это я, — раздался от двери веселый голос упомянутого. — А мы там на цыпочках ходим, думаем, тут все спят!

Искреннее удовольствие мне доставило выражение лица ужастика. Вот его взгляд настороженно переместился на дверной проем, туда, где, согласно представлениям этого довольно высокого мужчины, должно находиться лицо вошедшего. А потом медленно-медленно пополз выше, до ссутуленных плеч и втянутой в них головы, которая в общем-то уже «вошла» в комнату: даже сжавшись, Ларшакэн в обычную дверь не проходил, приходилось нагибаться. Брови мага растерянно взмыли куда-то под челку.

Я не удержалась от хихиканья, настроение стремительно пошло вверх.

Лар ростом около двух с половиной метров. Хорошо, что в доме высокие потолки и он за них не цепляется! Говорят, его мамочка согрешила кое с кем из нелюдей. Глупости, конечно, но порой сложно в них не верить...

Он вошел в комнату *целиком*, подошел к нам и с высоты своего роста внимательно оглядел картину происходящего.

— Второй раз мазать не надо, — вынес вердикт доморощенный целитель. — Помощь требуется?

— Да сама справлюсь, — отмахнулась я. Тем более маг... точнее, повязки уже заканчивались.

— Сегодня работа есть, или опять нагар счищать в кузне? — pragmatically поинтересовался Лар, присаживаясь на стул. Стул нагрузку вынес с честью, даже не скрипнув: вся хрупкая мебель в этом доме развалилась уже очень давно.

— Есть. Сейчас Кана сделает завтрак, и отправим ее за стойку. От Пограничных вчера был курьер, через две недели придет за партией.

— Так мы же вроде все сделали?

— На четыре больше оказалось. То ли набор удачный, то ли кто-то из старых решил оружие поменять, то ли кто-то из других мастеров не осилил. В общем, придется повозиться, но за две недели должны успеть.

— Заготовки есть, пятники и гарды тоже оставались, а рукоятей ты вообще тогда заказала с большим запасом. Ну, если ничего больше не случится и если ничего не запорем в самый неподходящий момент, то — да, должны, — с некоторым сомнением проговорил он. — Ладно, пойду Кане про завтрак скажу и кузню приготовлю.

— Ничего себе, — прокомментировал маг. — Впечатляет. И это — целитель?

— Нет, это бывший Пограничный страж, — ответила ему. — Его-то ты можешь представить с молотом?

— Его — легко! — тряхнул головой ужастик.

— Так, ну, кажется, все. Во что бы тебя только переодеть, — задумчиво пробормотала я. — Ларовы вещи точно не подойдут, мои — тем более, у Каны все откровенно женское... А! Что я мучаюсь, отцовские же рубахи остались. Я тебе на ручку двери повешу. Великовато, конечно, будет, но сойдет. Полотенца в стеннном шкафчике. Эй, ужастик! — опомнившись, окликнула его, когда он уже почти вышел. — Как тебя звать-то?

— А я не... — Брови его опять удивленно взметнулись, отчего лицо стало вытянутым и донельзя забавным. Я неожиданно поняла, что наш гость моложе, чем кажется: по первому впечатлению ему можно было дать где-то сорок, а на самом деле он старше меня всего на несколько лет. Его старили взгляд и вечно нахмуренные брови, да и подобное телосложение характерно скорее для опытных, «заматеревших» воинов, а не для парня двадцати пяти лет. — Точно, не представился. С ума сойти! На «ты» мы уже перешли, а...

— Имя, имя твое как? — со смехом перебила его.

— Грай.

— Что, так и зовут? — опешила я.

— Это исторически сложившееся сокращение. Полностью — Тагренай. А тебя?

— Нойшарэ. Ойша.

Он кивнул и вышел, а я осталась наедине со своими мыслями. Интересно, какая такая история сжала его имя в одно из имен Вечно Мертвого — Белого — безжалостного бога смерти, тьмы, разрушения и саморазрушения, небесного покровителя полусферы Хаоса?

Нет, секунду, о чём это я? Не интересно! Совсем, ни капли! Не хочу знать, кто он и откуда. Хочу только, чтобы это средоточие загадок и магнит для неординарных событий поскорее оказалось как можно дальше от моего дома, а в идеале — и от всего Приграничья! Как бы он беду не накликал на весь город.

Раздраженно скомкав снятые бинты, я двинулась на поиски рубашки. Что-то — то ли опыт, то ли чутье — подсказывало: моим мечтам не суждено сбыться.

Глупые мысли поспешно покинули голову, стоило переступить порог святая святых. Тут уже чувствовалось горячее дыхание горна: Лар давно нашел общий язык со свившим здесь гнездо агнием, и на побудку у него уходило минут пять, что служило причиной моей искренней тихой зависти. С другой стороны, хоть агний слушался Ларшакэна беспрекословно, зато ко мне питал теплые дружеские чувства и даже позволял себя погладить.

Работалось легко. С самого начала удалось поймать за хвост вдохновение, которое очень быстро передалось Лару и даже огненному духу.

Кузня всегда была моим любимым местом. Мама умерла настолько рано, что я ее не помню, а кого мог воспитать из единственной дочери одинокий мастер-оружейник? Только сына и смену себе, поэтому самые первые впечатления моей жизни связаны именно с кузницей. В этих стенах я выросла, здесь научилась всем тонкостям ремесла предков.

Тайство рождения клинка с самого детства служит для меня, как и для прочих оружейников, олицетворением Мирового Колеса: из Хаоса, из Земли и Огня, в Воде и Воздухе, под мерными выверенными ударами молота медленно и осторожно создается хрупкое кружево Жизни, несущей с собой Смерть и повергающей мир в Хаос.

Наверное, это олицетворение имеет под собой очень прочную основу, не только космологическую, но и физическую. Не зря же старший бог у нас — Кузнец! Мне приятно думать, что именно процесс рождения клинка стал одной из причин, по которым огнестрельное оружие так и не вытеснило старую добрую сталь, что хором пророчили изобретатели. Даже у простого клинка, к которому не приложил своей руки оружейник — у обычного кухонного ножа, — есть небольшой шанс пробить защиту мага, но никакие чары не заставят сделать то же самое пулю: отмахнуться от нее иногда проще, чем от насекомого. С другой стороны, и развитие огнестрельного оружия не останавливается на месте — амулеты, способные защитить от пуль человека без магического дара, штука довольно сложная и дорогая, поэтому против не-магов многозарядный пистоль весьма эффективен.

Вот и получается такое шаткое, хрупкое и необычное равновесие.

Лар мерно работал молотом, а я плела свои кружева. Слой за слоем огонь и сила рук кузнеца вбивали их в глубину металла, создавая причудливый, запутанный узор вязи стали и сил. Тонкая серебряная палочка Перста Указующего, ведущая за собой незаметную простому глазу нитку магии, казалось, жила в моих руках собственной жизнью, выписывая петли и то и дело касаясь раскаленной заготовки. Агний наблюдал за нашими действиями с всегдашим искренним любопытством, по команде послушно облизывая предложенную болванку.

Лучшее из всех возможных ощущений — когда не нужно мучиться, вычисляя, куда класть следующий узел, а просто отдаваться силе, и она *сама* найдет себе место, единственно верное, когда все участники священодействия работают со слаженностью частей одного тренированного тела.

Первый клинок вышел из наших рук к середине дня: почти рекорд, в среднем ковка одного прямого меча такого качества, которое мы предлагали Пограничным стражам, требует около шести часов. Без учета работы над заготовками и последующего доведения клинка до ума, занимающего куда больше времени.

— Хорошо идет, — хмыкнул Лар, утирая пот со лба, и это были первые слова, произнесенные в душном чреве раскалившейся кузни. С жаром бодрствующего агния неправлялись никакие защитные заклинания, их просто коротило от его присутствия.

— Хорошо бы так и дальше шло, — отозвалась я, аккуратно укладывая исчерпавший себя Перст в резной ларец и вынимая из точно такого же сундука заполненную магией палочку. Бывший страж в это время подвешивал горячий готовый клинок в крепления — остывать. — Персты кончаются, вечером заряжать буду. Три штуки всего есть. На этот заказ хватит, но лучше запастись. Уф!

— А не поплохеет? — подозрительно уточнил великан.

— Поплохеет, если я без них останусь, — отмахнулась я. — Руками я так точно не сделаю, дольше провозимся. А вечером полбанки варенья съем, — облизнулась мечтательно. Любая работа с энергиями отнимает много сил, а лучший способ их восстановления — это проглотить что-нибудь сладкое.

— На тебя варенья не напасешься! — проворчал Ларшакэн. — Кстати, не хотел отвлекать в процессе, но сейчас спрошу: тебе правда этот красавец не мешает? — Он кивнул куда-то за мою спину.

— Какой кра…савец? — Обернувшись, я наткнулась взглядом на притулившегося в уголке давшего гостя. Хмыкнула: — А ты что тут сидишь-то? Давно?

— Наблюдаю, — тихо ответил маг. — Никогда не видел работы оружейника. Это… красиво. Но если мешаю, я уйду.

— Да сиди уж, коль больше заняться нечем, — миролюбиво разрешила я. В конце концов, если до сих пор он умудрился ни разу не привлечь моего внимания, зачем гнать?

К тому же подобный интерес боевого мага — причем чутье подсказывало, боевого мага отнюдь не слабого — льстил. Нельзя сказать, что современные магистры относятся к нам, оружейникам, пренебрежительно: сложно пренебрегать тем, кто делает по-настоящему опасные для тебя вещи. Но держатся они всегда с подчеркнутой отстраненностью вежливостью. Нет, понятное дело, попадаются всевозможные чудаки, пишущие исследования по «специфической предметной магии» оружейников, и некоторые из этих трудов действительно заслуживают уважения и пристального внимания. Но где-то в глубине души они всегда считали нас неким пережитком прошлого, и зерно истины в подобном мнении есть. Мастерство оружейника лежит на тонкой грани между магией, древними шаманскими практиками и ремеслом, и никуда нам от этого не деться. Да и нужно ли деваться?

— Может, перекусим? — с надеждой предложил Лар. Принципиальных возражений не было, вот только...

— Только без отрыва от производства, а то собьемся.

И мы потянулись в привычный угол, где Кана всегда оставляла бутерброды. Ворчала, что это вредно, но все равно оставляла, предпочитая не отвлекать от работы. Женщина вообще избегала лишний раз совать нос в кузницу — побаивалась агния, хотя и управлялась весьма ловко с его младшим куда менее разумным собратом искрием, живущим в плите.

Свой бутерброд получил и затаившийся в углу ужастик, и процесс ковки пошел дальше по накатанной.

Должно быть, со стороны мы выглядели странно и даже дико — жующие за работой в короткие промежутки времени, пока нагревался клинок. Но это было как-то... уютно, по-домашнему, и совершенно не влияло на качество работы. А если и влияло, то в лучшую сторону, учитывая энтузиазм агния, с удовольствием слизнувшего с моей ладони предложенное лакомство и довольно заурчавшего в ответ. Цвет шкуры зверя почти мгновенно изменился с теплого оранжевого на желтовато-белый, и от него дохнуло жаром.

Впрочем, наш дух достаточно опытен, чтобы его игривое настроение не мешало работе.

Я почувствовала, как в этот момент нервно вздрогнул ужастик в своем углу, и испытала прилив мстительного злорадства: по мнению магов низшие стихийные духи вроде тех же агниев не поддаются вообще никакой дрессировке и работают исключительно по принуждению печатей.

А вот в какой момент столичный гость нас покинул, я не заметила.

Когда Клеймо заняло положенное место на теле клинка, я поняла, что здорово переоценила свои силы и начинать третий сегодня уже не стоит, хотя день еще не закончился. Главным ограничителем времени работы в кузне обычно бывал агний: эти духи активны исключительно тогда, когда на небосклоне светит солнце, а после заката становятся вялыми и инертными. Но сегодня не выдержала уже я, сказалась бессонная ночь.

Завтра, надеюсь, удастся сковать еще пару клинков. Тогда послезавтра накалим все четыре, вечером — закалка, сборка, а потом начнется самое муторное: доведение до ума. Точильный камень, напильник и наждачка — основные орудия оружейника, а совсем даже не молот.

Полтора десятка почти готовых клинков ожидали своего часа уже давно: стандартный заказ от Пограничных каждый сезон. Понятное дело, за две недели такое количество оружия сделать невозможно, но мы заранее знали, что нужно, только у нескольких я еще не оплела рукояти.

В этот раз, правда, понадобилось больше времени, но для того нас и предупредили *за две недели*, а не за два дня, как обычно.

Лар понял меня без слов и принялся за уговоры агния: усыпить разыгравшегося духа раньше заката тоже искусство. А я взяла ларец с Перстами, один из недоделанных клинков и загодя заготовленные во множестве кожаные ремни и двинулась в лавку. Во-первых, подышать свежим воздухом и немного остыть, а во-вторых, с корыстной целью отпустить Кану, чтобы та смогла заняться ужином.

— Как дела сегодня? — ввалилась я в лавку, гремя Перстами в ларце и рискуя зацепиться за что-нибудь зажатым под мышкой клинком в простых кожаных ножнах.

— Каждый раз, когда я вижу тебя после кузни, поминаю незлым тихим словом Белого и его подземных слуг, — прокомментировала женщина. В общем-то упрек справедливый: после жара кузницы от меня все еще шел пар — оставали одежда и кожа. — Неплохо. Есть один индивидуальный заказ, по всему видно — сложный, тебе понравится.

— А что просили?

— Он не стал рассказывать, хотел с тобой поговорить. И с неожиданным пониманием отнесся к сообщению о том, что ты сейчас работаешь и не можешь все бросить для приема его любимого.

— Почему — неожиданным? — искренне удивилась я. Хамов в лавку заносило настолько редко, что эти дни запоминались надолго.

— Да это явно чужак какой-то, — поморщилась Кана. — И не из простых, может,

дворянин или вообще маг. Обещал прийти сегодня после заката.

— Ну, тем лучше, посижу тут.

Визит заказчика заинтриговал. Всегда интереснее работать под индивидуальный заказ, и здесь происхождение покупателя роли не играет. К тому же в данном вопросе я не слишком доверяла Кане: она считала чужаками всех, чьи лица были незнакомы и по каким-то одной ей ведомым критериям не подходили жителям Приграничья. Вот кто на раз просекал, местный или нет, так это Лар, но он бывший Пограничный, а у этих парней глаз наметанный.

— А где наш вчерашний гость? — полюбопытствовала я.

— Приходил Таймарен, принес вещи чужака, — отрапортовала Кана, уступая мне место за стойкой, но не спеша покидать лавку. — Тот на радостях что-то повыдергивал из кучи и ускакал, а остальное бросил на диване. — Женщина неодобрительно покачала головой.

— Ты хочешь сказать, его подселили к нам? — опешила я. Ла'Ташшору никогда не была свойственна подобная фамильярность, да и Грай не походил на нуждающегося в деньгах человека.

— Рен следователь попросил приглядеть за этим чужаком. — Она удовлетворенно улыбнулась. Ну, все ясно! Бедный ужастик и бедные мы. Кана, которой доверили *важное дело* — это проклятье человечества во плоти. Она по субъективным причинам питает огромную слабость к законникам в целом и рену Ла'Ташшору — в частности. — Кстати, как тебе этот милый юноша?

— Который из них? — обреченно вздохнула я.

— Ойша! — Собеседница бросила на меня полный укора взгляд. — Естественно, я про рена следователя!

— Тай... хороший человек. — Морально готовясь к ответной лекции о моей глупости, начала перебирать кожаные лоскутки в покоящемся на коленях деревянном ящичке, подыскивая подходящий шнурок для оплетки. — Но...

— Уже Тай? — уцепилась Кана за случайно оброненное слово.

М-да. Лекция будет очень долгой.

— Мы с ним в школе вместе учились, — нехотя созналась я.

— А почему я не знаю?!

— Потому что мы не были друзьями, он — старший брат моей ныне покойной подруги. Так вот, Тай, конечно, очень хороший человек. Наверное, даже настоящий мужчина, умный, храбрый и симпатичный, почти идеальный. Но я не вижу его рядом с собой. Ни в каком качестве — ни друга, ни, паче того, возлюбленного.

— Ты его просто не знаешь! — отмахнулась Кана. — Я приглашу его в гости, и ты...

— Кана! — оборвала я ее кудахтанье и с грохотом водрузила ящичек с лоскутами на стойку. — Я знаю его куда лучше, чем ты. Таймарен не придет к нам в гости, даже если ты его очень попросишь. Потому что, в отличие от тебя, он понимает значение слова «нет» и прекрасно знает, что рассчитывать ему не на что. Все, разговор окончен, и больше мы к нему не возвращаемся, договорились? — мрачно воззрилась я на женщину. Та, растерявшись от моего напора, только пожала плечами и молча вышла.

Да что за мания такая? Нет, я понимаю, она из лучших побуждений, искренне желает мне счастья, пытается помочь и все такое. Но как ей объяснить, что с такими вопросами я разберусь сама?!

Тьфу!

Я раздраженно дернула шнурок с такой силой, что послышался тревожный треск. Это помогло взять себя в руки и переключиться на построение коварных планов лютой мести. Нет, точно пора направить пыл Каны на Ларшакэна! Пусть своей личной жизнью займется, а мне оставит любимую работу и тишину.

Будто издаваясь, в этот миг звонко тренькнул колокольчик, привлекая мое внимание к позднему посетителю.

— Добрый вечер, — ошарашенно проговорила я, из-за стойки разглядывая гостя.

— Здравствуйте, — кивнул мужчина и, не обращая внимания на выставленные образцы, подошел ко мне. — Это вы — мастер-оружейник Л'Оттар?

— Да, рен. Чем могу быть полезна? — Я отложила работу и встала. Мужчина вскользь мазнул взглядом по положенному на край стойки клинку.

— Ваша помощница, возможно, передала, я приходил некоторое время назад.

— Да, конечно, но вы не оставили никакой информации. Что именно вас интересует?

Я убью Кану. Буду убивать долго и мучительно. А потом найду смертника, который ее поднимет, и стану долго и с фантазией глумиться над трупом!

Она прополоскала мне мозги своим следователем, вскользь бросив про посетителя «чужак». Ладно, ее образование оставляет желать лучшего, и географию она не знает, и хорошо вообще, что считать-писать умеет, но... неужели он не показался ей *слишком странным*?!

Мою скромную обитель посетил северянин, как недобро называет этих ребят Лар — «отрыжка Белого», причем нельзя не отдать должного меткости этого пусты и излишне пренебрежительного, но остроумного определения. Живой, настоящий, типичный настолько, что хотелось протереть глаза и ущипнуть себя.

Мужчина среднего роста, на вид — лет тридцати-сорока. Телосложение мешала рассмотреть одежду, но почему-то сила и умение этого человека постоять за себя в любом бою не вызывали ни малейшего сомнения. Сложно было выделить в его облике какую-нибудь наиболее заметную деталь, потому что не получалось найти что-то обычное.

Во-первых, сама его кожа — цвета светлого сизовато-голубоватого металла, как эштарская небесная сталь, да еще словно подернутая тонким инеем. Тот же самый иней покрывал серо-синие брови, ресницы и ниспадающие на плечи волосы. Губы были чуть темнее остальной кожи, но все равно ярко выделялись — на них инистый налет отсутствовал.

Во-вторых, отдельная песня — это глаза. На фоне голубоватого белка темно-оранжевая радужка производила нереальное впечатление. Будто неизвестный художник, создававший внешность этого посетителя, спутал цвета или вообще писал не глядя. Или завалялась капля яркой краски, и он решил разбавить серую гамму.

В-третьих, наряд гостя также заслуживал отдельного описания, особенно — небрежно наброшенная на плечи роскошная меховая накидка до пола из бесценного меха горного кота. В наших краях этот наряд будет стоить как мой дом со всем содержимым, включая ассортимент лавки, а там, откуда родом его владелец, это — практически предмет первой необходимости. Эта шуба без проблем выдержит мороз в семьдесят градусов со шквалистым ветром, обычную зимнюю погоду Северных гор. Под накидкой виднелась более привычная одежда: высокие черные сапоги, заправленные в них узкие темно-серые штаны, белоснежная рубашка из отличного шелка и жемчужно-серый камзол с сизой отделкой. Точно, аристократ, если среди северян такие есть.

Туран, наша страна — третье по величине и одно из самых богатых государство мира. А если судить по разнообразию жителей, пейзажей и климатических зон — так вообще самое богатое. Туран вытянулся через весь материк, от тропических морей юга до вечных льдов севера, на его территории есть и степи, и болота, и непроходимые леса, а Северные горы вообще целиком считаются территорией нашей страны.

Северный край, как официально называется эта дальняя оконечность мира, где среди вечных льдов высоких гор затерян Северный полюс, магнитный и магический — пожалуй, *самое* суровое место, заселенное людьми, рядом с которым Приграничье — курорт. Тот факт, что именно в этих краях сходятся все потоки сил, может показаться благоприятным только на первый взгляд. На деле же это выливается в совершенно сумасшедший магический фон, который большинство нормальных людей выдерживают очень короткое время. Именно благодаря ему северяне — такие, какие есть. И задаром не сдались бы никому эти пустые жестокие края, но вмешалась шутница-Пряха, щедрой рукой приправившая горы алмазами и куда более ценной урановой рудой, жизненно необходимой заклинателям духов для призыва или создания существ, подобных обитающему в моей кузне агнию, без которых современную жизнь просто невозможно вообразить. В результате Северный край, мягко говоря, не бедная провинция. Впрочем, особо они и не наглеют: без метрополии не выжить даже этим измененным магией созданиям, как минимум потому, что с едой у них серьезные трудности.

Про северян ходит масса историй одна другой чудовищней — как о них самих, так и об их обычаях — но сами они не спешат ни подтверждать слухи, ни опровергать их. Я знаю только одну байку, в бесполковости которой уверена: что у северян вместо крови чистая ртуть. У них в крови действительно есть некоторые вещества, отсутствующие у других народов и позволяющие легче переносить холод, но кровь от них не становится ртутью, да и вообще не похожа на металл, она просто не красная, а почти фиолетовая.

— Мне необходимо... вот это. — Затянутая в белую перчатку рука извлекла из складок накидки сложенный вчетверо лист бумаги. Осторожно развернув, посетитель выложил передо мной рисунок.

Слегка размазанный грифельный набросок, выполненный, впрочем, весьма тонкой и умелой рукой. Изображал он необычной формы оружие: на длинной рукояти (или коротком древке?) с одной стороны было насажено длинное лезвие, похожее на прямой меч с необычной гардой — три щупальца, образующих полураскрытый бутоны у основания клинка. На другой стороне рукояти имелся сложный венчик еще из пяти лезвий, закрученных винтом. Конструкция странная и ни на что не похожая. И главное, я не представляла, *как* должен выглядеть бой таким оружием.

— Вы можете предоставить более подробный чертеж? — спросила, внимательно изучив картинку и заодно отметив вынесенную отдельной строкой вязь совершенно незнакомых мне символов, которые спиралью обвивали древко и соединяли оба конца оружия. Символы, в отличие от всего остального, были переданы с похвальной скрупулезностью. Впрочем, если это какая-то надпись, ничего удивительного.

— Увы. — Северянин развел руками. — Это — единственный рисунок. Могу только сказать, что длина лезвия составляет шесть с четвертью пядей.

— Хм... ну, уже кое-что. Если пропорции точны, можно отталкиваться от этого. Принципиальны ли размеры и количество витков вот здесь, на обратной стороне, или они просто должны быть примерно такими? И вообще, насколько точны линии?

— Скорее, это примерный вид, и вы можете руководствоваться пропорциями, —

задумчиво кивнул посетитель. — Главное, чтобы вот эта вязь была соблюдена точно. — Палец в перчатке лег на непонятную надпись. — Рукоять наборная, только кость или яшма. Из металлов — сталь, на рисунке — только серебро и ничего кроме. Но есть еще одно принципиальное требование: клинок не должен иметь Клейма. — И он пристально посмотрел на меня — испытующе, с прищуром, ожидая реакции.

Два раза подряд я столкнулась с этим редким явлением. Совпадение? Надо бы рассказать Граю, что приходил...

Стоп. Какому Граю рассказать? Кто он такой, этот Грай?! Да, северянин странный, бесспорно. Но почему я должна доверять ужастику, да еще и рассказывать ему обо всех событиях? Куда-то не туда меня занесло.

Вот кому стоит все рассказать, так это Таю!

— Не буду скрывать, просьба... необычная. Я ведь правильно понимаю, отсутствие Клейма не должно сказываться на качествах клинка?

— Разумеется. Более того, это должен быть *очень* хороший клинок. Он должен разрубать защитные чары, принимать боевые чары всех стихий по меньшей мере до четвертого уровня.

Я присвистнула. Вот это заказ!

— Убийца магов? — Нахмутившись, окинула мужчину оценивающим взглядом.

— Именно, — не отводя глаз, серьезно кивнул северянин.

— Вы понимаете, что о таком заказе я обязана поставить в известность руководство гильдии?

— Что? — растерялся он, после чего облегченно вздохнул. — А, так вас волнует именно *законная* сторона вопроса? Не стоит тревожиться, право слово. Делайте все, что нужно. Вы возьметесь за этот заказ?

— Я правильно понимаю, что в средствах и материалах могу себя не ограничивать? — вопросительно вскинула бровь, не отрывая взгляда от хищных обводов клинка.

Кракен, вот на что походило это оружие. На смертельно опасное чудовище морских глубин.

— Разумеется. Мне говорили, что вы — лучший оружейник города, поэтому я полностью полагаюсь на ваше мнение профессионала. Для меня важны вязь, магическая начинка и общие пропорции.

— Хорошо, я поняла. Клинок должен быть под вашу руку? — Дождавшись неуверенного кивка незнакомца, протянула открытую ладонь. — Позвольте?

— Что?

— Руку. Не волнуйтесь, я не собираюсь отрезать ее на память. Вы планируете пользоваться оружием именно в этих перчатках? — уточнила, когда мою ладонь накрыла рука северянина. Перчатки были выполнены из мягчайшей великолепно выделанной кожи и на боевое облачение походили меньше всего.

Клиент сейчас выглядел куда более заинтересованным, чем в начале разговора. Кажется, с него еще ни разу не снимал мерки оружейник.

— Не думаю. А снимать ее... это принципиально? — с некоторым смущением проговорил странный визитер.

— Желательно. Чтобы я могла *правильно* оценить вашу руку. А еще лучше — обе, оружие явно двуручное. Что-то не так? Я не желала оскорбить вас подобной просьбой, — уточнила на всякий случай. Поведение клиента ставило меня в тупик.

— Нет, просто... — замялся северянин. Потом вздохнул, махнул рукой и принялся

стягивать перчатки. — Раз вы говорите, что надо, глупо спорить.

Причину сомнений я поняла сразу: руки мужчины изуродовали шрамы, похожие на ожоговые. Причем эти руки пострадали так сильно, что на них не восстановились ногти — болезненно-серые ногтевые пластины имелись лишь на двух крайних пальцах левой руки.

Не повезло мужику. Как его только угораздило! Неужели у них в горах целителей нет?

Клиент пристально наблюдал за моей реакцией и, когда я лишь удивленно вскинула брови и неопределенно хмыкнула, не удержался от облегченного вздоха.

— Простите. Я все никак не привыкну к местным традициям, — почему-то начал оправдываться он. — Вы... молодая девушка, и мне сложно ожидать от вас столь спокойной реакции. Женщины моего народа не отличаются крепкими нервами.

— Вопрос привычки. — Я пожала плечами. Ну, если он боялся, что я грохнусь в обморок от ужаса, тогда понятно нежелание показывать шрамы. Зрешице, соглашусь, крайне неаппетитное, но... — Это Приграничье.

— Да, вижу, — кивнул он.

Прикрыв глаза, я принялась ощупывать ладони и пальцы северянина, привыкая к энергетическим и мышечным структурам. Обученный оружейник способен вот так запомнить и считать строение ладоней полностью, до последнего сухожилия. И потом, когда я стану браться за рукоять клинка, я буду делать это *его* руками и сумею оценить удобство собственного творения.

Старые раны, несмотря на жуткий вид, зажили хорошо, особенно принимая во внимание изначальную внушительную глубину повреждений. Во всяком случае, на подвижности и работе рук это не сказывалось, разве только на чувствительности пальцев.

Иней кожи на ощупь оказался никаким. Что производило такой зрительный эффект, я не поняла, но по ощущениям это были обычные руки довольно сильного мужчины с окаменевшими оружейными мозолями, явно привычные к рукояти клинка. Неожиданно: обычно опытные бойцы предпочитают не расставаться с оружием, а у этого типа я его не видела.

Посетитель ужасно стеснялся своих шрамов, едва заметно вздрагивал и порывался отнять руки, когда я осторожно пробегала кончиками пальцев по контурам шрамов. Подобное смущение лично мне казалось странным для опытного воина его возраста; может, это все от той же разницы менталитета? Никак не привыкнет к мысли, что девушка способна спокойно реагировать на подобную «красоту»? Было бы из-за чего нервничать. У нас от перекошенной рожи Лара мало кто шарахается, а тут всего лишь руки!

Что еще меня удивило, температура его кожи мало отличалась от привычной. Руки, правда, казались чуть прохладными, что было странно с учетом только что снятых перчаток. Но, может, это только в сравнении с моими собственными ладонями, еще не успевшими остыть после жара кузни?

— Таллий, — вдруг проговорил он с напряженностью в голосе. Я растерянно подняла взгляд на северянина, как раз выпуская его руки. Он тут же принялся натягивать перчатки. — Таллий Анатар. Меня так зовут.

— А... Это правильно, — хмыкнула я. — Думаю, работа будет долгой. Нойшарэ.

— То есть ты берешься? — оживился он.

— Скорее всего, да. Во всяком случае, эта задача не кажется мне неразрешимой. — Я задумчиво кивнула. Кое-какие идеи появились, но следовало спокойно подумать и пообщаться со справочной литературой. — Прогноз по времени — месяц, два, три... Тут все

больше зависит от поставщиков, у меня сейчас нет некоторых ингредиентов, нужных для столь эксклюзивной вещи.

— Это меня устраивает. Какой залог следует оставить? — pragmatically уточнил он.

— Давай я сегодня подумаю над начинкой, а завтра ты зайдешь примерно в это время, и я сообщу свой окончательный ответ, — предложила, принимая переход на «ты». — Подходит?

— Да, конечно. Я остановился в том необычном месте возле ратуши. Никак не запомню, как оно называется.

— Это проклятие, — весело фыркнула я. — Кроме шуток, прадед нынешнего хозяина не любил прежнее название, долго не мог придумать новое. Потом в сердцах проклял и тут же скоропостижно скончался. Снять посмертное проклятие старого колдуна до сих пор не могли, но вроде бы все привыкли. Единственное неудобство — всем обитателям гостиницы, включая хозяев, приходится пользоваться адресом ближайшего почтового отделения «до востребования», потому что проклятие затронуло даже адрес дома.

— Надо же. — Он улыбнулся. Улыбка у него оказалась очень хорошей, обаятельной, несмотря на экзотическую внешность: теплой, искренней, с ямочками на щеках и лучиками мимических морщин в уголках глаз. — Значит, до завтра, мастер Нойшарэ?

— До завтра, — кивнула, разглядывая рисунок. Звякнул колокольчик, когда дверь за будущим владельцем эксклюзивного клинка закрылась, а я продолжила сверлить взглядом картинку.

Я уже знала свой завтрашний ответ, хотя и не озвучила его сейчас. Я не могла отказаться от этой головоломки: давненько мне не попадалось столь интересных и необычных заказчиков со столь странными игрушками. Я уже видела перед собой ощетинившийся шипами клинок и понимала, что не успокоюсь, пока воображаемая тяжесть рукояти не станет материально ощущимой.

Чужаки всегда приносят неприятности, тем более — такие чужаки. Но когда плата столь высока, можно рискнуть. Не деньги, нет, хотя и обойдется это оружие в очень внушительную сумму. Удовольствие от решения сложной задачи — вот главная награда за труды, во всяком случае, для меня. Наверное, это наследственность.

Как таковой клинок без Клейма не слишком сложно изготовить, но было две тонкости, имевшие в этом случае решающее значение. Во-первых, требования по энергетическому потенциалу, но здесь все упиралось главным образом в качество металла, заготовки из подходящей стали у меня отсутствовали. А вот вторая проблема куда интереснее. Структура энергетического плетения напрямую связана с формой клинка. Проще всего с этой точки зрения шило или, по крайней мере, прямой симметричный клинок. А венчики переплетенных лезвий...

С другой стороны, сложная форма дает большой простор для изменения валентности структуры. Я только представила, на что может быть похоже это объемное кружево, а дух уже захватило от восторга. Так что мысли о возможных неприятностях очень быстро вытеснились насущными проблемами и предвкушением интересной работы.

Пара справочников из наиболее полезных обнаружилась в недрах стойки, и я совмешала два полезных дела — мотала рукоять и листала книжку. Так бы и просидела до ночи, если бы вновь не звякнул колокольчик на входной двери.

— Уже думал, не успею, — раздался бодрый голос. Я вскинула глаза, но почти сразу потеряла интерес к визитеру:

— А, это ты.

— Чем таким интересным занята? — Бесцеремонный ужастик облокотился о стойку и тут же сунул нос в опрометчиво оставленный на ней рисунок. — Что это? — растерянно уточнил он.

— Заказ. Я работаю, — огрызнулась, отнимая рисунок и запихивая его в книжку.

— Какая интересная вязь; ты знаешь, что это?

— Это заказ, — монотонно повторила, уткнувшись носом в книжку в надежде, что столичный гость вспомнит о правилах приличия и позволит мне заняться своим делом. Наивная!

— И кто же его принес? — мрачно уточнил он.

Я вздохнула и подняла на него взгляд.

— Какая тебе разница?

— Очень интересное оружие и надпись. Надписи на непонятных, мертвых и древних языках вызывают у меня здоровое опасение, а с этими символами я прежде не сталкивался.

— И что? — Я продолжила изображать известного барана, разглядывающего новые ворота. Кажется, маг растерялся от такого отношения.

— Расскажи, кто его принес, — слегка склонив голову набок, попросил он с вполне отчетливо звякнувшими в голосе повелительными интонациями.

— На каком основании?

— В каком смысле?! — искренне опешил собеседник.

— В прямом! — возмущенно фыркнула я. — Ты — кто, чтобы я давала тебе отчет о своей работе? Может, законник? Я знаю законы, я поставлю в известность власти и предупрежу руководство гильдии. Если у тебя есть право задавать вопросы — задавай их им. Или предоставь мне какой-нибудь документ, согласно которому я должна отчитываться тебе в своих действиях. Если же это только любопытство — извини, придется тебе удовлетворять его каким-то другим способом.

— Почему ты его защищаешь? — опешил Тагренай. — Ты же его не знаешь! Или знаешь?

— Не знаю. — Я пожала плечами. — И точно так же я не знаю тебя, поэтому объясни мне, чем один чужак лучше другого? Я понимаю, что он может быть негодяем. И также понимаю, что негодяем можешь оказаться ты. Или вообще вы оба!

— Приграничье, — поджав губы, недовольно процедил мужчина.

— Вот именно. Более того, Баладдар. А теперь, может, ты позволишь мне спокойно поработать? — Мы несколько секунд поиграли в гляделки, маг помрачнел и, ничего не говоря, нырнул во внутреннюю дверь.

Я уткнулась обратно в справочник, понимая, что рабочий настрой безнадежно испорчен. Цифры плавали перед глазами, скучиваясь в однородную мешанину со схемами и иллюстрациями. Наконец, утомившись от этой круговерти, захлопнула книгу.

Может, не стоило его вот прямо так с ходу огораживать местным колоритом? Это для нас естественно, а чужаки — существа странные, они такое отношение называют варварством, грубостью, закостенелостью и даже бесчувствием.

«Да ладно, меньше проблем доставит своим поведением и быстрее уедет!» — попыталась успокоить себя.

Только вот принявшаяся осторожно покусывать совесть настораживала. Я же права? Права. Но спокойствия от осознания этого факта почему-то нет.

— Мастер оружейник Л'Оттар? — сразу после очередного звонка колокольчика донесся голос от двери. Как-то многовато у меня поздних посетителей, надо было еще после северянина закрываться! Переночевал бы ужастик на улице, ничего бы с ним не случилось...

— Да, это я, добрый вечер.

Поднялась со стула, разглядывая очередного визитера. Светловолосый коротко стриженный мужчина лет сорока с жестким обветренным лицом, в которое глубоко въелся степной загар. Крепкий, жилистый, в удобной дорожной одежде — больше всего он напоминал Пограничного стража. Светло-серые, будто выгоревшие глаза смотрели пристально и внимательно, а белесый шрам от рваной раны, протянувшийся от уголка глаза к уголку губ, придавал лицу унылое выражение.

Пограничный — Пограничным, но... что-то не так было в этом позднем госте. Чего-то не хватало, что-то делало образ неполным и неправильным, и это что-то заставило меня нашарить рукоять засека. Благо стойка достаточно высокая, чтобы действие прошло незамеченным.

— У меня к вам деловое предложение, мастер. — Вошедший полез в нагрудный карман, а я сжала рукоять крепче. Предчувствие, которому я привыкла доверять, в голос вопило об опасности.

— Слушаю вас, рен, — улыбнулась дружелюбно.

— Только что в эту дверь вошел один человек, и я знаю, что он не выходил.

Голос посетителя едва уловимо дрогнул. Я вскинула руку с засеком, и на меня дохнуло волной жара разбившееся о сталь атакующее заклинание. Вторая моя рука тем временем сомкнулась на рукояти меча.

На лице странного посетителя пропало удивление. Проступило постепенно и отчетливо, как на бумаге пропадают от жара темные пятна за мгновение до того, как она вспыхнет. Завораживающее зрелище: бесстрастная маска, превращающаяся в человеческое лицо.

Зачарованная переменой, произошедшей с мужчиной, я упустила драгоценное мгновение форы, за которое могла успеть чиркнуть мечом по близкому незащищенному горлу.

Отступать он не собирался. Я увернулась от черного маслянистого сгустка, в который оформилось незнакомое заклинание, перемахнула через стойку, использовав стул как ступеньку. И в короткое мгновение полета до пола поняла, что мне не понравилось в незнакомце: у него не было клинка. Ни один Пограничный по добре воле не расстанется с оружием, они даже моются с ним! Лар уже много лет бывший страж, и все равно меч всегда при нем, давно уже стал почти частью тела. А у этой фальшивки не было при себе пяти пядей закаленной стали.

Будь благословен тот день, когда я взяла в левую руку этот кинжал странной формы, неудобный на первый взгляд, и будь благословен Лар, согнавший с меня семь потов на заднем дворе и с согласия мудрого отца учивший веснушчатую пигалицу сражаться. Удар меча засек не сдержит, все-таки не щит, но даже его при должном умении можно спустить по касательной. Но это не главное его предназначение: нож идеален как орудие обороны в столкновении с магом. Естественный жест — заслониться рукой от опасности — на самом деле спасает жизнь, разбивая атакующие заклинания.

Нападающий был ошарашен. Не знаю, чем — моим отпором, эффективностью клинка против магии, чем-то еще. Но шок явственно читался на его лице, да и его атаки несли

отпечаток той же мысли — «не понимаю, что происходит!». Наверное, именно благодаря этой растерянности мне удалось до него добраться. Отбить одну атаку мечом, другую — принять на ощущимо нагревшийся засек и, наконец, достать самым кончиком клинка до горла.

Кровь ударила фонтаном и вместе с потом потекла по моему лицу. Тяжело дыша, я обвела взглядом лавку.

Ну все.

— ТАГРЕНА-АЙ! — проревела раненым грохотом, и стекла витрин испуганно зиянули. — Поднять щиты!

Сейчас я, кажется, доберусь еще до одного горла!

Не церемонясь, ударом ноги вышибла дверь во внутренние помещения, птицей взлетела по лестнице и ворвалась в гостиную.

Здесь царила идиллия: Лар с ужастиком о чем-то оживленно спорили, а Кана раскладывала ужин.

— Тагренай! — рявкнула тяжело дышащая я (дыхание еще не успело восстановиться после короткой схватки: чаще надо тренироваться), привлекая к себе внимание. Лицо ужастика удивленно вытянулось, он медленно-медленно встал.

— Ойша, что...

— Убью, блевотина Белого! — просипела севшим от злости голосом и кинулась на него с оружием.

И убила бы. У него даже не возникло мысли защищаться! Кусок идиота...

На счастье этого кретина, в комнате помимо деморализованной подобным зрелищем Каны присутствовал и Ларшакэн, который, пока мы разговаривали разговоры, предательски подобрался сбоку и в критический момент профессионально скрутил меня и обезоружил.

Ну да, в тот день, когда я сумею сражаться с Ларом на равных, небо рухнет на землю. Или Пограничный станет настолько дряхлым стариком, что не сможет держать в руках меч, хотя вероятность этого события, на мой взгляд, не больше, чем ситуации с небом. Не потому, что он никогда не состарится, просто умрет задолго до дряхлости. У нас почти все мужчины и подавляющее большинство женщин так делают.

— Пусти! Пусти, я эту тварь паршивую прирежу! — несмотря на болезненно выкрученные руки, продолжала бушевать я. — Ай! — охнула от боли, когда Лар усилил нажим.

Зараза, локоть же вывернет, как я работать буду!

— Прекрати истерику, — сурово потребовал он. — Давай-ка ты сейчас объяснишь, что случилось, а потом вместе решим. Если что, я его еще придержу и перед тобой извинюсь. Ну! — Великан слегка встряхнул меня, и я зашипела: боль прокатилась от локтя до затылка, потекла холодком по спине. Но в голове ощущимо прояснилось, с глаз спала кровавая пелена, и вообще потихоньку начал возвращаться здравый смысл.

— Все, все, я осознала, — мрачно сообщила, сдаваясь на милость победителя, и тут же получила свободу. В конце концов, Грай и правда не виноват. Но сейчас он точно все мне расскажет, начиная с детства и юности и заканчивая причинами появления в нашем городе! — На лавку посмотри!

Я злобно тряхнула головой, растирая локоть. Зря грешила на его захват, не бывает у великана осечек. Не хотел покалечить — не покалечил. А что больно до темноты в глазах — так это воспитательный эффект.

— Кого ты там зарезала? — поинтересовался Лар, внимательно меня разглядывая и ощупывая на предмет наличия повреждений.

— Да оставь меня в покое, я не пострадала! — отмахнулась от него. — Лавка! По меньшей мере половина работы — куча шлака!

— Я тебе вопрос задал, — усмехнулся Пограничный.

— Не знаю. Урод какой-то, замазанный под стражу. Если бы не привитая отцом привычка всегда держать оружие под рукой, осталась бы от меня обгоревшая тушка.

— Уже хорошо. Он в лавке? Ты щиты поставила?

— В лавке. Не помню, кажется, поставила, — отмахнулась я.

— А почему на этого бросилась?

— Так тот урод его искал. Точнее, за ним шел. И нужна была ему не я, а он! Понятия не имею, с чего он на меня окрысился! Может, почуял что? Или вообще планировал пройти по трупам?

— А, то есть ты решила оказать неведомому лицу большую услугу и убить этого своими руками? — ехидно осведомился Лар, кивнув на мага. Я недовольно скривилась. Ну да, сглутила, что уж отрицать. — Ладно, пойди умойся, а то на тебя смотреть страшно. А мы с Граем, — он выразительно посмотрел на растерянного ужастика, — сходим проверим, что там и как. На труп глянем, законников позовем. — Он сделал ударение на предпоследнем слове, все так же не отводя взгляда от квартиранта. Тот поморщился, но промолчал.

Когда я, вымытая и переодетая в сменную плеху (потому что старую еще предстояло отчистить от крови), спустилась вниз, там было людно. Возле тела сутилась какая-то женщина в темной накидке, с забранными в пучок волосами под небольшой темно-зеленой шапочкой — лекарь. Недовольная Кана отмывала с пола пятна крови, а Лар и — вот оно, торжество справедливости! — понукаемый им Грай приводили в порядок все остальное. Причем Лар разбирал завалы, а ужастик что-то колдовал над выкладываемыми перед ним изувеченными магией образцами.

За процессом наблюдал притулившийся у стены Таймарен Ла'Ташшор, который заметил меня первым.

— Здравствуй, Нойшарэ, — слабо улыбнулся он. — Неплохо. — Следователь кивнул на лежащее на полу тело.

— Привет, — вздохнула я. — Это ты о чем?

— Хороший удар.

— Выяснили, кто это? Лихо он под Пограничного расписан, не отключишь...

— Перевертыш, — вздохнул законник. — Сейчас рена целитель осмотрит, вернет к истинному виду, и мы его заберем. По всему видать — опытный. Как ты вообще раскусила?

— Меча нет. Пограничного без меча на поясе представить невозможно. Все остальные хоть иногда расстаются с оружием, стражи — нет. — Я кивнула на Лара. Законник понимающе усмехнулся:

— Приезжий, наш такой ошибки не допустил бы. Или просто по рассеянности, слишком привык магией обходиться. Чего хотел?

— Да он толком не сказал. Сначала вернулся этот, — я кивнула на Грая, — а потом притащился перевертыш и сообщил, что у него есть ко мне дело. Мол, только что в эту дверь вошел человек, и он точно не выходил. А дальше началась драка. Если бы не засек под рукой, я бы напомнила вон ту стену.

Я задумчиво покосилась на стену за стойкой, куда улетел черный сгусток неизвестной магии в самом начале драки: по стене расплескалось пятно коррозии, будто камень разъела неведомая кислота — и ласково погладила висящий на поясе кинжал. После случившегося поняла, что пора перенимать от отставного Пограничного эту полезную привычку — *вообще* никогда не расставаться с оружием.

— Не знала, что среди перевертышей попадаются маги.

— Про них вообще очень мало известно, — дипломатично заметил Таймарен. Пожалуй что и так: этот малочисленный вид не любит пристального внимания к себе, перевертыши тщательно маскируются и живут среди людей или других разумных, принимая их облик: боятся попыток использования их талантов в чужих целях. Учитывая, что, меняя внешность, они меняют даже ауру, страх этот весьма обоснованный. — Больше ничего странного не происходило? — придирчиво уточнил законник.

— Был один клиент, — кивнула я. — Чужак с уникальным заказом. Но вел себя очень вежливо и корректно, ничуть не возражал против сообщения властям; в общем, дайте боги побольше таких клиентов.

— Что за заказ? — насторожился следователь. Я мельком глянула на навострившего уши ужастика — кроме шуток, они, кажется, шевельнулись! — и мысленно с искренним злорадством продемонстрировала ему кукиш.

— Я лучше полноценное заявление накатаю и к вам на днях занесу. Но вещь приметная и экзотическая, как и заказчик, ни с чем не спутаешь.

— Хорошо, — покладисто согласился Ла'Ташшор. — Несколько вопросов к вам, рен Анагор. — Он пристально уставился в затылок мага. Тот спокойно закончил ворожбу над очередным клинком и обернулся. Смерил законника взглядом, медленно кивнул.

— Только я бы предпочел поговорить наедине. Это возможно? — поинтересовался маг.

— Разумеется. — Следователь спокойно пожал плечами и покосился на Лара, спрашивая разрешения. — Рен Л'Ишшазан?

— Забирай, — великодушно разрешил великан. — Можете воспользоваться какой-нибудь из кладовых. — И он махнул рукой на перекошенную после моего удара дверь. Когда следователь и его жертва (впрочем, глядя на ужастика, я уже сомневалась, кто из них жертва) скрылись в недрах дома, великан задумчиво посмотрел на меня и вздохнул: — Шла бы ты спать, Ойша. Мы тут и без тебя управимся, а ты еле на ногах стоишь. Завтра весь день работать, так что отдохни.

— А что этот делал-то? — Я неопределенно кивнула на дверь.

— Кто? Чужак? Оказался полезным в хозяйстве зверьком, — охотно пояснил Лар. — Он владеет чарами отката, так что, считай, часть ущерба и проживание отработает.

— Отката?

— А это такая специальная магия, позволяющая обратить магию хаоса, — пояснил он. — Скажем, восстановить разбитую ими чашку. Чары не слишком сильные, не всегда работают, но ущерб будет значительно меньше, чем ты предполагала. Так что иди, не маячи.

Я послушно удалилась, даже сделала над собой моральное усилие и не попыталась подслушать разговор следователя с ужастиком. Больно надо! Развели тут тайны... Не хочет рассказывать — его дело. Главное, ущерб он согласился возместить до последнего щита, а все остальное — порывы проклятого ветра перемен, от которых лучше укрыться понадежней.

Проснулась среди ночи, в поту, от собственного крика. Долго лежала, кутаясь в одеяло,

тараща глаза в темноту и старательно ни о чем не думая, ощущая только мрак и тяжелую тишину старого дома, укрывающую меня плотным коконом от всего мира. А о чем думать? Вспоминать сон не хотелось, и так знала, о чем он. В конце концов, спектр моих кошмаров достаточно скучен...

Помаявшись некоторое время, поняла, что просто так уже не усну, и выбралась из кровати. Закуталась в просторный халат, услугами которого пользовалась крайне редко, и, бесшумно ступая босыми ногами, побрела в сторону кухни, пить успокоительное снадобье. Сразу надо было про него вспомнить! Можно подумать, после убийства — пусть и невольного, в порядке самозащиты — не Серого, а почти человека, меня могли не настигнуть кошмарные сны!

В гостиной-столовой неожиданно оказалось светло, и сидел там совсем не тот, кто должен был. На диване с кружкой размером с мою голову вольготно устроился Лар, вытянул ноги и погрузился в чтение. Всегда было забавно наблюдать этого жуткого здоровяка с книгой: уж в чем в чем, а в любви к чтению его заподозрить трудно.

— А где...? — тихо поинтересовалась я.

Могу собой гордиться: Ларшакэн вздрогнул от неожиданности и резко обернулся на звук.

— Зачем подкрадываешься? — с не укрывшимся от меня одобрением риторически поинтересовался он. — А для постояльца Кана расчистила одну из комнат. Видимо, распотрошила запасы и использовала заклинание генеральной уборки, потому что человек с такой скоростью выгрести всю ту пыль не способен. А ты почему ночами колобродишь? — участливо поинтересовался он. Потом нахмурился и понимающе уточнил: — Сны?

Я кивнула и махнула рукой, мол, не привыкать. Порывшись в холодильном шкафу, откопала наглухо закупоренную бутылочку из темного стекла, с усилием выдернула притертую пробку, подозрительно принюхалась. Пахло ландышами и корицей, оттенка тухлятины не наблюдалось. Если зелье и испортилось, то недавно, поэтому я смело отхлебнула горькой бурды и, скривившись, вернула флакон обратно. Просверлила невидящим взглядом закрытую дверь шкафа и пошла на диван, где уютно устроилась под боком у Лара, подобрав под себя ноги. Бывший Пограничный страж вздохнул, поставил на пол кружку, сверху накрыл книжкой и выпрямился. Обнял меня за плечи.

— Ну, что ты, котенок? — Попытки говорить ласково у этого гиганта выливаются в почти медвежье ворчание. Впечатление не для слабонервных, но я привыкла. — Это всего лишь сон.

— Да, я знаю, — вздохнула, чувствуя себя на редкость уютно и умиротворенно под боком у огромного мужчины.

— Ты молодец, — медленно кивнул он, тщательно подбирая слова. — Все правильно сделала.

— Ну да, особенно попытка убить ужастика выглядит верхом правильности и торжества разума. — Я болезненно скривилась.

— Убить *оружием*? Да, — непререкаемым тоном заявил он. — И, кроме того, не убила же и очень быстро остыла. Отец твой гордился бы.

Я медленно кивнула. А потом вдруг всхлипнула, уткнулась носом в подмышку великана и тихо пробормотала:

— Мне его не хватает, Лар. Очень...

— Я знаю, котенок. Нам всем его не хватает, — ответил он. Потом вздохнул, аккуратно

перетянул меня к себе на колени, бережно обхватил огромными лапищами и стал баюкать, как маленького ребенка. Кажется, он даже тихонько мурлыкал что-то вроде колыбельной.

Проснулась я в своей постели под одеялом, по ощущениям — где-то перед рассветом. Видимо, когда уснула, Лар меня сюда отнес, он же — раздел и укрыл.

Быстро оделась, чутко прислушиваясь к окружающему миру. Лар наверняка вчера засиделся с книжкой и еще не проснулся. Кана если и встала, то возилась на кухне, и выскользнуть наружу незамеченной ничего не стоило. До пробуждения Ларшакэна, означающего всеобщий завтрак, у меня часа полтора, как раз можно добежать до проклятого трактира и перекинуться с северянином парой слов. Это если он не спит. А если спит... Ну, рен La'Марташ окажет мне небольшую услугу и передаст постояльцу мое заключение.

В столь раннем визите была еще одна польза: прогуляюсь по холодку и вытряхну из головы остатки вчерашних снов, воспоминаний и успокаивающего зелья, делающего тело вялым и малоподвижным.

Баладдар просыпается рано, с рассветом, и быстро затихает на закате. Здесь почти неточной жизни; только в трущобах, льнущих к стенам, отделяющим город от мертвого и безжизненного на первый взгляд плато, в темноте начинается самое интересное. Но то — трущобы, обитатели которых до боли напоминают крыс, загодя чующих приближение врага и прячущихся по неведомым щелям.

Высокая стена, укрепленная магическим периметром, обычно ненадолго задерживает Серых, поэтому обитатели ближайших к стене районов первыми принимают удар. От стены начинается путаный лабиринт улиц, напичканных ловушками, причем среди горожан давно ведется негласное соревнование, кто придумает наиболее хитрую и эффективную западню.

Каждый дом тут представляет собой маленькую крепость. Никакого дерева, только серый тусклый камень. Окна верхних этажей — узкие бойницы, из которых так удобно вести огонь по бегущим по улице существам. Лестницы в домах — легкие, хрупкие, разваливающиеся от хорошего пинка в нужное место.

И, наконец, последний рубеж обороны — ратуша, названная так скорее по привычке и мало напоминающая сходные строения в других городах. Разве что часы, но и те с подковыркой: мощный артефакт, именуемый «Недреманное Око», надежное средство массового оповещения. Ратуша же представляет собой мощный, хорошо укрепленный замок или, вернее, не замок в полном смысле, а одинокую башню без внутреннего двора и хозяйственных построек. Она предназначена не пережидать осаду, а укрыть за высокими стенами от одного-единственного удара. Впрочем, за все время существования города в настоящем виде Серые лишь однажды дошли до ратуши и до единого полегли на брусчатке под шквальным огнем и мощными охранными чарами, которыми пропитана здесь сама мостовая.

Когда я ступаю по этим зеленоватым камням, всегда чувствую благоговейный трепет, ощущая скрытую до поры мощь дремлющего Зверя. Мало кто из жителей этого города догадывается, что охраняет их покой на последнем рубеже обороны, и уж вовсе никто не знает точно, но оно и к лучшему. Наш народ нельзя назвать пугливым, но жить в жерле чутко дремлющего вулкана — удовольствие на редкость сомнительное. Ощущают неладное здесь только люди с магическим даром. У меня он слишком слабый для колдовства, но зато достаточный для оружейного ремесла.

Я знаю только старую легенду, рассказалую отцом. Будто великий маг, предок

нынешнего правителя, несколько веков назад, в пору первого нападения этих тварей, желая защитить город, призвал какую-то тварь из-за пределов мира и привязал к здешним камням, чтобы она хранила покой жителей. Хотел раскинуть защиту на весь город, но то ли тварь оказалась недостаточно сильной, то ли — маг.

Зачем Серым, полуразумному дикому племени, так нужна ратуша, не знает никто. Зачем они раз за разом рвутся к центру, будто намереваются его захватить? Словно люди, ведущие военную кампанию по всем правилам и желающие не уничтожить, но установить свою власть над городом. Единственное объяснение, которое существует у местных жителей и кажется достаточно правдоподобным — их ненависть. Серые, ворвавшись в поселение или наткнувшись на отряд, не успокаиваются и не движутся дальше, пока не вырежут всех до единого. А может, они куда сильнее ненавидят этого загадочного обитателя ратуши?

Безымянный проклятый трактир располагается неподалеку от Рыночной площади, во вливающемся в нее переулке. Непосредственно на площади стоят только муниципальные общественные заведения вроде библиотеки, Дома гильдий и филиала Сечения Сферы, магического университета.

В обеденном зале оказалось достаточно людно, и, к моему удовольствию, среди ранних пташек присутствовал северянин, белой вороной нахолившийся в углу и безжалостно расправлявшийся с завтраком. Я кивнула поднявшему глаза владельцу заведения, по сложившейся традиции обретавшемуся за стойкой, он кивнул в ответ.

Пожалуй, тут я и позавтракаю.

— Доброе утро, — поздоровалась, подходя к заказчику.

— Нойшарэ! Приятный сюрприз, здравствуй. Садись, — широким жестом пригласил он. Я без возражений плюхнулась на стул напротив. — Судя по личному визиту, ты согласна?

— Да, — подтвердила, не тратя времени на расшаркивания. — Интересный заказ, просто физически не способна отказаться. — Я изобразила слабое подобие улыбки, собеседник настороженно нахмурился:

— Если ты опасаешься, что тебе может угрожать...

— Нет, это не связано с тобой. Просто местные удивительно живучие суеверия, что большие неожиданности несут большие проблемы. Да и так, в общем. — Я неопределенно поводила рукой в воздухе.

— Что-то случилось? — проницательно уточнил Таллий.

— Скорее, нехорошее совпадение. Можно задать вопрос? — наконец, решилась я. Он удивленно вскинул инистые брови и кивнул. — Ты вправе не отвечать, на мое решение относительно заказа и на качество исполнения твой ответ не повлияет, — на всякий случай предупредила я, потому что вопрос был довольно бес tactный и недостойный профессионала. — Для чего нужно это... оружие? Что это вообще такое?

Собеседник растерянно вскинул брови, разглядывая меня с недоумением.

— И все? — уточнил и усмехнулся. — На этот вопрос я легко отвечу. Это обрядовый предмет моего народа. Много лет назад оригинал был безвозвратно утерян. Совершенно безвозвратно, точнее, физически уничтожен, и если примерное описание внешнего облика сохранилось в памяти народа — существует множество рисунков и набросков — то с надписью по древку возникли трудности. Насколько я понимаю, это один из очень древних и безнадежно мертвых языков, и никто из живущих теперь не знает, что именно там написано. Была проведена огромная архивная работа по поиску хоть каких-то материалов, а открытие, как водится, сделали случайно. Один юноша, обучавшийся в столице, нашел в

университетской библиотеке дневник некоего бывшего торговца, где приводилось точное изображение вязи, сопровождавшееся горделивым сообщением, что было чертовски трудно передать все до последней точки, но зато даже хозяева скипетра не нашли подвоха. Сведения перепроверили всеми доступными методами и вязь признали подлинной.

— Но почему ты заказываешь артефакт здесь, а не в столице у кого-нибудь из медных мастеров? — настороженно уточнила я.

— Во-первых, я не люблю столицу: слишком шумно, слишком тесно, и прожить там долго я бы не смог. Впрочем, нет, лукавлю. Конечно, смог бы, но с трудом и без удовольствия. А во-вторых, я из-за своих поисков приехал в местную библиотеку, где имеются некоторые бесценные труды, и именно тут меня настигло окончательное распоряжение о необходимости изготовления скипетра. Но я рад, что оно не поймало меня в столице. Здесь как-то... уютно, особенно на центральной площади.

— Уютно? — ошарашенно уточнила я. Интересный отзыв. Я подобного припомнить не могла: даже полностью лишенные магии люди, не знающие о древнем соседе и не ощущающие его, подсознательно испытывали опасения в этом месте.

— Как дома, — улыбнулся он. — Будто здесь с тобой никогда не может случиться ничего плохого. Словно дух Праотца рядом.

Я нервно хмыкнула. Праотца, говорите? Надо почитать про этих ребят. Не думаю, что узнаю что-нибудь действительно интересное, но легенды полистать все же стоит. Что у них там за праотцы такие?!

Несмотря на столь странную оценку мира новым клиентом, я все равно почувствовала, как холодная ладонь сжавшего сердце гадкого предчувствия немного ослабила хватку, потому что Таллий Анатар не врал. Недоговаривал, да, и я догадывалась, что именно: это наверняка касалось вскользь упомянутых обрядов. Возможно, среди них встречались откровенно запрещенные и очень страшные. Вероятно, это грозило волнениями в стране или некими невинными жертвами, принесенными на ледяных алтарях в далеких Северных горах. Но главное, не было связи между двумя событиями — появлением ужастика и этого северянина. Теперь я точно это знала и могла вздохнуть с облегчением.

— И все-таки что случилось? — после нескольких мгновений тишины спросил северянин, не отрывая от меня взгляда неестественно ярких глаз. — Сама понимаешь, мне невыгодно причинять тебе вред. А помочь приятно. По многим причинам.

— Например? — полюбопытствовала хмуро. Не нравился мне его взгляд, очень не нравился. Что-то такое... странное, непривычное глядело из глубины оранжевых глаз. Не угрожающее, не враждебное, но все равно — пугающее.

— Во-первых, ты девушка, — улыбнулся он. — У нас рождается очень мало девочек, поэтому оберегать и защищать представительниц слабого пола — нечто вроде намертво въевшегося рефлекса. Во-вторых, мне совершенно нечем заняться в ближайший месяц — или сколько там понадобится для работы? — и я с огромным удовольствием украшу свои будни решением какой-нибудь проблемы. В-третьих, мне близка местная система ценностей, когда за своих держатся до последнего. У нас — так же, и это еще один плюс в пребывании здесь. Достаточно? — хмыкнул он. Я не ответила, задумчиво разглядывая северянина и пытаясь привыкнуть к странной внешности.

— А почему ты все время в шубе? — спросила неожиданно даже для себя. Таллий посмотрел на меня с искренним недоумением, потом, сообразив, что я не шучу, насмешливо

фыркнул.

— Я не знал, что про нас настолько мало известно в окружающем мире. — Мужчина качнул головой. — Понимаешь, у моего народа несколько иной механизм терморегуляции, чем у всех остальных людей.

— Тебе холодно без нее или не жарко в ней? — уточнила я.

— Мне жарко без нее, — вздохнул северянин. — Я достаточно удовлетворил твоё любопытство, чтобы ты ответила взаимностью?

Я, недовольная формулировкой, слегка поморщилась, но спорить не стала.

— На самом деле не случилось ничего страшного, просто слишком много подозрительных мелочей. Я так удивилась этому заказу, потому что буквально за день до твоего прихода явился человек, просивший проконсультировать его по поводу ножа без Клейма, и это повлекло за собой цепочку малоприятных событий. Которая, кажется, и не думает заканчиваться.

— То есть теперь ты достаточно доверяешь мне? — Почудилось, что в глазах мелькнула искра удовольствия или, скорее, удовлетворения.

— Доверяю? — Я фыркнула. — Нет. Но теперь я допускаю, что это случайное совпадение.

— Допускаешь? — задумчиво прищурился он. — Могу я поделиться наблюдением? Ты вольна оставить его без внимания.

— Валяй, — со вздохом разрешила я. Сама только что выступила точно так же, и хорошо не попала по какому-тольному месту. Теперь оставалось надеяться, что мне так же повезет.

— Твоя подозрительность рождена отнюдь не местными обычаями. — Северянин качнул головой. — Я не буду спрашивать, кто и что с тобой сделал, если ты вздрагиваешь от каждого шороха и готова защищаться с оружием в руках даже от эфемерной угрозы. — Таллий серьезно кивнул на мою руку, и я только теперь заметила, что сжимаю ладонью рукоять засека. Поспешно отдернула руку и переплела пальцы рук, положив локти на стол. Собеседник понимающе усмехнулся. — Это не заученный рефлекс, это *последствия* чего-то очень нехорошего. Да и научиться по-настоящему ненавидеть трудно, тем более женщине. Почти ребенку, ты уж не обижайся. Не буду спрашивать, пока ты сама не захочешь рассказать. Можешь не верить, но в этот момент я окажусь неподалеку. А еще я бы очень хотел по душам поговорить с теми... существами, которые это сделали.

Странные, слишком контрастные, как будто даже светящиеся глаза мстительно сощурились. И я с отстраненной ясностью поняла, что он убийственно серьезен. Этот чужой человек, которого я видела второй раз в жизни, был готов отомстить кому-то неведомому за неизвестные действия по отношению к малознакомой девушке. В это выливалась их национальное отношение к женщинам? Или тут что-то... личное? Уже когда-то не смог кого-то защитить? Или дело в чем-то другом?

— С ними уже поговорили, — слабо улыбнулась в ответ, пытаясь задавить поднявшуюся волну эмоций и воспоминаний, лишь бы не разбираться в этой чудовищной мешанине из ярости, удивления, страха, боли, облегчения и боги знают чего еще. — Но мне непонятны твой интерес и желание во все это влезть.

— Пусть у меня тоже будет своя маленькая тайна. — Северянин выглядел настолько довольным, что хотелось срочно сделать ему большую гадость. Просто так, из зависти и общей природной вредности. Но я сдержалась и даже не стала спрашивать, кто и когда

обидел его самого — и без того голова гудела. — Но я предлагаю вернуться к более насущным вопросам, мы же так и не обсудили, какой будет оплата. Сколько? Я не стану торговаться, — качнул он головой.

Вот как. Никакие правила, писаные и неписаные, не запрещают мне сейчас содрать с него три шкуры. И любой юрист, и любой собрат по гильдии скажет, что я права.

Но северянин явно очень хорошо разбирался в людях. Получалось, что он вроде как первый доверился мне, положившись на волю мастера, а дальнейшее — полностью мой выбор. Сознательно завышу цену — сознательно предам. Вот же отрыжка Белого!

А впрочем, почему бы не ответить ему тем же?

— Сто тиглей задатка, — стараясь, чтобы улыбка не превратилась в оскал, сообщила я. — Этого как раз хватит на все материалы, включая наборную рукоять с инкрустацией, останется мелочь на непредвиденные расходы. А изделие ты оценишь по своему усмотрению, когда получишь.

И плевать, даже если он мне потертого щита не даст: я получу удовольствие от работы и бесценный опыт. Глядишь, с такой вещью в служебном списке смогу наконец претендовать на медный знак. Тут тебе и плетения без Клейма, и сложная тонкая работа с металлом, и почти ювелирная рукоять. А если еще по лезвиям отчеканить или протравить какой-нибудь узор, так вообще никто не придерется!

Заказчик неопределенно хмыкнул, но кивнул, принимая предложенные условия. И непонятно было, удалось ли загнать его в свою собственную ловушку, или он заранее предугадал мой ответ.

— Наличными или подойдет вексель?

— Лучше наличными. — Я качнула головой. С купцами желательно расплачиваться звонкой монетой, а тащиться в банк и самой снимать деньги не хотелось.

— Что ж, тогда я зайду вечером. После заката, — с хищной ленцой улыбнулся он, как упырь, назначающий жертве свидание.

Распрощавшись, я ушла, и всю дорогу до дверей заведения чувствовала на себе пристальный немигающий взгляд. Только на пороге сообразила, что не расплатилась за незаметно уничтоженный за разговором завтрак, но возвращаться было выше моих сил. Расплатится, никуда не денется. А откажется платить — Ла'Марташ прекрасно меня знает, ничуть не обидится и пришлет этот счет в лавку.

Домой я почти бежала, не глядя под ноги, и внутри, глухо ворча, ворочалась ярость. Я чувствовала себя дичью, которую загоняет опытный охотник. Слабой, обреченной, беспомощной и не способной ничего ему противопоставить.

Нет, не охотник. Зверолов. Который поймет, не повредив шкуры, заставит привыкнуть к себе, усыпить бдительность, завладеет доверием и вниманием, а потом станет незаменимым. Заставит забыть свободу, забыть все, забыть себя. Приучит.

Для зверя нашелся хозяин. Зверь был в ярости, но выбора ему не оставили. Спасение одно — бежать, бежать без оглядки, далеко-далеко, на юг, на запад, на восток — к Серым в лапы. Но я точно знала, что этим выходом не воспользуюсь: зверь не может оставить свою нору и свою семью.

А самое страшное, злость шла от разума, а внутри, в душе эта мысль почему-то не вызывала отторжения, напротив, казалась правильной и естественной.

Я уже почти хотела быть прирученной и ненавидела себя за это.

Влетев в полутемную лавку, замерла посреди помещения, отсутствующим взглядом

окинула смертоносный металл, хищно поблескивающий в отсветах защитного заклинания. Потом со сдавленным не то рыком, не то всхлипом метнулась к ближайшей стене, изо всех сил ударила кулаками бездушный камень в попытке болью физической заглушить боль внутреннюю. Раз, другой, почти ничего не чувствуя. Потом обессиленно прижалась горящим лбом к холодной шершавой поверхности, глотая злые слезы и тихо поскуливая на одной ноте.

Сквозь угар бешенства начала прступать боль, пульсирующая в кистях рук и эхом прокатывающаяся до плеч. Я в последний раз шумно вздохнула, сжала и разжала кулаки. Шмыгнула носом, локтем утерла лицо и поднесла к глазам растопыренные пятерни, пытаясь в слабом свете оценить нанесенный ущерб. Кроме темных пятен, увидеть ничего не получилось, пришлось идти к стойке и разглядывать «самострел» уже под бесстрастным холодным бесстеневым светом.

Зрелище оказалось... жалкое. Содранная на костяшках пальцев кожа обрамлялась наливающимися буквально на глазах синяками. Я досадливо поморщилась, сетя на свою несдержанность. Тоже мне, нашла, на чем злость вымешивать, стена ей помешала! А вот поставить бы к этой стене ту белесую харю, и что-то сомнительно, что рука поднялась бы. Не укусит собака руку хозяина, даже если он ударит...

Я горько усмехнулась и побрела в ванную. Понятно, от Лара я ничего не скрою, придется объясняться, но хоть кровь смою. И боль притупит холодная вода. Забинтовать все это не мешало бы. И, конечно, наложить волшебную мазь Пограничного.

Некоторое время спустя я все-таки добралась до гостиной. За столом уже почти привычно шушукались Ларшакэн с ужастиком, Каны же в обозримом пространстве не наблюдалось: видимо, пока я плескалась и оказывала себе первую помощь, она ушла в лавку.

— Привет честной компании, — преувеличенно бодро поздоровалась с ними. Лар окинул меня взглядом, выразительно мазнул по рукам и пристально уставился в глаза. Я тут же отвела взгляд, не пытаясь бороться с ним в этом безмолвном противостоянии, и виновато закусила губу.

— И тебе не хворать, — как ни в чем не бывало ответил гигант. — Я уже начал беспокоиться, не пора ли тебя искать. Ты куда ходила?

— С заказчиком поговорить, — пробормотала в ответ, стоя на пороге.

— Поговорила? — с таким ехидством поинтересовался он, поднимаясь с места, что я вспыхнула от смущения.

— Это... не то, что ты подумал.

— Вечером обсудим, — бросил мужчина, подходя ко мне и аккуратно отодвигая от дверного проема. — Завtrakай и спускайся, пойду кузню готовить.

Я вздохнула и кивнула. Когда Лар вышел, чувство вины несколько поутихло, я, наконец, вспомнила, кто в доме хозяин (по крайней мере, юридически) и, расправив плечи, прошла к своему стулу.

— Ойша, — тихо позвал меня Грай, внимательно разглядывая. Я подняла на него взгляд, вопросительно изогнула бровь. Лоб мужчины опять рассекла хмурая складка, делающая его старше.

— Мм?

— Что с тобой?

Я взмахнула руками.

— Это? — Я вопросительно кивнула на свои руки. — Да, ерунда, случайно получилось.

— Нет, я не про это, — качнул головой ужастик. — Что с тобой происходит? Вчера,

когда ты сюда влетела с оружием, вся в крови, я сначала ничего не понял. Только когда Лар тебя скрутил, до меня дошло, что ты всерьез собирались меня убить. У тебя глаза были мертвые, как у бешеного зверя.

— Извини, погорячилась, — виновато поморщилась я. — Уж очень меня разозлила эта сволочь...

— Вот я как раз про эту злость. Что с тобой происходит?

Я устало прикрыла глаза, откинулась на спинку стула.

— Откуда ж вы взялись на мою голову оптом? — пробормотала себе под нос. — Один — уже слишком, а двое... Грай, давай я загадаю тебе загадку, и ты сам подумаешь? — Я с надеждой взорвилась на ужастика. Он помрачнел еще больше, но все-таки медленно кивнул. — Что в Приграничье могло сроднить молодого отца-одиночку и старшину Пограничной стражи? После чего второй ушел в отставку, не достигнув и тридцати лет, а первый в сорок пять сгорел как спичка и выглядел при этом на все семьдесят.

— Серые? — вскинул бровь Тагренай.

— Направление верное, осталось полистать литературу, — усмехнулась я. В почти черных глазах мелькнул охотничий азарт, и Грай медленно кивнул. С той же усмешкой я молча вышла, забыв, зачем вообще заходила.

Но настроение начало исправляться, забрезжила призрачная надежда на избавление. Грай явно азартный и увлекающийся человек, как и все маги, любящий загадки. Может, если подкинуть ему несколько интересных фактов и превратиться из интересной девушки в интересную проблему, он не будет так на меня смотреть? И меня, наконец, перестанут преследовать воспоминания о том поцелуе.

Если и это не поможет, надо столкнуть обоих охотников лбами до того как «туша зверя начнет остывать». И пока они будут бодаться, выясняя, чей выстрел первый, можно под шумок улизнуть.

А там, глядишь, поубивают друг друга со злости!

Весь день я провела в кузне, успокаивая себя любимой работой и погрузившись в некий транс без мыслей. Зарядить Персты вчера не успела, и после окончания работы по дну ларца немым укором перекатывалась последняя серебристая палочка.

— М-да, — прокомментировала я, утирая какой-то грязной тряпкой лоб, пот с которого струился ручьем и норовил залить глаза. — Сейчас точно ими займусь. Только бы ничего больше не случилось!

— Кстати, о событиях, — подал голос Лар, уже утихомиривший агния. Сегодня дух вел себя на удивление покладисто: видимо, устал. — Что с твоими руками?

С таким трудом обретенное душевное равновесие разнесло в клочья одним вопросом. Я недовольно скривилась:

— Да так, нервы.

— Кого? — требовательно уточнил Лар, нависая надо мной всей массой.

— Никого. О стену, — мрачно созналась я. — Не бойся, здесь, в лавке. Никто не видел, ни к кому моя кровь не попадет, меня не проклянут и ничего через нее не наведут.

— Уже хорошо, — кивнул Лар, присаживаясь на один из стульев и приглашая меня сделать то же. — И что довело тебя до такой жизни?

— А что они лезут не в свое дело? — бессильно огрызнулась я. — Таллий и Грай, — пояснила, опережая следующий вопрос.

— Так, Грай — это я понял. А вот первого имени не слыхал, — сказал Ларшакэн, с подозрением меня разглядывая.

— Заказчик. Притащился вчера северянин на мою голову, — принялась я каяться.

Давно уже выучила: скрывать что-то от Лара не то чтобы бесполезно, но очень глупо. Хорошо, если не получится, а вот когда один раз получилось, последствия оказались очень неприятными. Матерый Пограничный обладал чутьем старого волка и огромным опытом. Не говоря уж о том, что ему достаточно было рявкнуть на меня, чтобы вправить на место в очередной раз заклинившие мозги.

— Классический северянин в шубе сделал уникальный заказ на сложный клинок без Клейма. Я не согласилась сразу, попросила отсрочку до утра. А утром сходила в проклятый трактир у ратуши: северянин в нем остановился, то есть в гостинице при трактире. Бледнорожий обнаружился там, где обещал быть, и про клинок все рассказал честно. — Я запнулась, пытаясь, не срываясь на бессмысленное рычание, внятно сформулировать, что именно меня разозлило.

— И? Ты поэтому так озверела? — хмыкнул собеседник.

— Нет, погоди. Сейчас попробую объяснить. — Я вновь замялась и рассеянно потерла ладонью лоб в попытке простимулировать работу черепной коробки. Утренние ощущения уже смазались, оставив только общее недовольство, и их остатки никак не хотели воплощаться в слова. — Он... очень странно со мной разговаривал.

— Обидел? — насторожился Лар.

— Нет, как раз наоборот, — медленно качнула головой в ответ. — Проявлял участие. Говорил хорошие слова. Очень хотел встретиться на узкой дорожке с теми, кто... как же он сказал? В общем, с теми, кто научил меня ненавидеть и благодаря кому я такая недоверчивая. И он был честен. Будто хотел приласкать. Знаешь, как к незнакомой собаке с открытыми ладонями подходят — мол, я чист, не желаю зла. Хотел меня приручить. Узнать. П-почесать за ухом. — Я обхватила себя ладонями за плечи, инстинктивно пытаясь сжаться и стать как можно меньше, незаметнее. Смотреть на молчащего Лара не могла, вместо этого разглядывала жилище агния и кривила губы, пытаясь гримасой сдержать слезы. — И мне пришлось бороться с собой, чтобы... не дать ему лапу по первому требованию.

— Прекрати! — тихо, сквозь зубы процидил Лар, хлопнув ладонью по колену. Я вздрогнула и еще больше сжалась. — Что за упрямая девица! Одна встреча, и стольких лет методичной работы как не бывало!

— Прости, — всхлипнула я.

— Да ты тут при чем? — раздосадованно вздохнул мужчина, взял себя в руки и позвал: — Иди сюда.

Я послушно шмыгнула к нему, устроилась на коленке и доверчиво прижалась. Лар обнял меня одной лапицей, второй принял осторожно гладить по голове, и я почувствовала, что страх отпускает.

— Хочется мне посмотреть на этого северянина, — проворчал Пограничный. — Эх, ребенок! Третий десяток уже, а все никак не поумнеешь! Ну выкинь ты эти мысли из головы, откуда они только взялись! Ты — человек, понимаешь? И окружающие видят в тебе человека, нет в тебе ничего другого. Симпатичная молодая девчонка, вот на тебя мужики и поглядывают с интересом. Я тебе со всей ответственностью заявляю, что им тебя не почесать за ухом хочется, а за совсем другие места подержаться! И совсем даже не с приручательской целью, а сугубо для собственного удовольствия!

— А что они тогда в мое прошлое лезут? — смущенно пробурчала я, чувствуя себя донельзя глупо.

Нормальные человеческие чувства — те, которые возникают между мужчиной и женщиной — с момента взросления вызывали у меня странную реакцию. Я знала, как должно быть, догадывалась, почему у меня не так, даже вполне осознавала, насколько глупо себя веду. Но осознавала вот так, сидя рядом с Ларом и глядя на все со стороны, а стоило очутиться с этими эмоциями один на один, и опять не получалось рассматривать мужчин как представителей того же вида.

Вот кто бы еще объяснил, почему потрясение детства сказалось на моей психике именно так, и посоветовал, как с этим бороться?

Несмотря на все собственные странности и проблемы, очень хотелось узнать, каково это? Что такое — нормальные человеческие чувства? Дружбу я знала, родственную привязанность — знала, пожалуй, лучше многих. Но что такое любовь? Какая она на вкус, цвет и запах? Рядом с Ларом я даже всерьез задумывалась, что, наверное, могла бы когда-нибудь встретить такого человека, который это объяснил бы, показал на примере. Верила в это. Хотела этого. Но не ходить же на свидания за ручку с отставным Пограничным!

— Потому что заступиться за даму и поддержать ее морально — верный способ подобраться поближе, — весело фыркнул Лар. — В перспективе — затащить в постель. Или вообще окольцевать.

— Да глупый это разговор. — Я вздохнула ему в плечо. — Кому я в жены нужна? Порченая...

— И слово это из тебя вытряхнуть бы, — недовольно отмахнулся он. Несколько секунд помолчал, потом продолжил: — А Грай что?

— Да тем же интересовался. Сказал, на бешеную я вчера походила, и предлагал помочь.

— Ну я же говорю, нравишься, — со смешком сообщил Ларшакэн. — И в его случае я могу судить не только по косвенным признакам, а еще и по личным наблюдениям. Он от твоей попы взгляда отвести не может!

— Он не знает, потому и нравлюсь, — отмахнулась я, не удержавшись от хихиканья. Обожаю его прямолинейность!

— Ладно, а следователь наш? Что, и возразить нечего? — поддел мужчина. — Свой? Свой. Как облупленную тебя знает? Знает. И все равно с радостью бы в храм повел, не говоря уже обо всем остальном.

— Он... — Я запнулась.

— Да ладно, знаю я, что ты мне возразить хочешь, и даже понимаю, почему ты его отталкиваешь. Наверное, действительно сложно довериться и подпустить близко человека, который уже видел тебя в самых неприглядных ситуациях. Я про него для примера сказал, чтобы не пряталась за «не знает» и «не понимает». Уж тот все отлично понимает, и ничего, ему это не мешает смотреть на тебя как коту на миску сметаны!

— Вы с Каной сговорились меня за Тая сосватать? Весна на вас так действует? — вздохнула я. Потом опомнилась: — Кстати, а что это ты меня замуж выдаешь? Сам Кане думаешь или нет предложение делать?

— Да я... что я-то, — вдруг замялся Лар. Потом опомнился и строго возразил: — Не передергивай, о тебе сейчас речь. Хватит прятаться. Грай-то тебе нравится? — провокационно уточнил он.

— Наверное, да, — задумчиво кивнула я. — Он симпатичный. Только я с ним все никак

не поговорю. То он без сознания, то я... не в себе.

— Ну, уже прогресс! Еще бы на второго твоего хахаля посмотреть...

— Почему сразу хахаля?! — Я, полная праведного возмущения, даже отстранилась. — Говорю же, просто заказчик! — проворчала обиженно, уловив в серых глазах смешишки. — А посмотреть скоро можно будет, он обещал после заката задаток принести.

— Тогда идем в лавку. Займешься Перстами, я рукояти сделаю. А то скоро не до них станет.

— Если бы на меня всякие не бросались с заклинаниями...

— Ты бы до ночи с книжками просидела, — поддержал Лар. Я возмущенно фыркнула, но от улыбки вновь не удержалась: он же меня как облупленную знает. — Пойдем-пойдем, дел еще много. Тебе полегчало? Сможешь с этим северянином нормально общаться?

— В твоем присутствии? Буду сама сдержанность, — заверила его.

В лавке мы устроились вдвоем. Ларшакэн уселся в уголок и начал орудовать кожаным шнурком, а я принялась колдовать. Вооружившись засеком, сделала небольшой надрез на своем предплечье, нацедила в крохотную стеклянную плошку крови. Разрез оказался недостаточно глубоким, поэтому драгоценную жидкость пришлось из себя буквально выдавливать, но не резать же еще, в самом деле! К тому же требовалось мне совсем чуть-чуть. А так вон хоть перевязывать не надо, само течь перестало.

Дальше все было делом техники. Взять тонкую серебряную палочку, опустить кончиком в блюдце с кровью и ждать, пока она зарядится от разницы энергетических потенциалов между мной и моей же кровью. Самое сложное — поймать момент, когда Перст наполнится, но еще не начнет разрушаться от переизбытка энергии. Перельешь — можно выбрасывать ценный инструмент, недольешь — энергия быстро рассеется.

Кстати, на этом же принципе сродства и непрерывной связи энергии человека и его вещей, а уж тем более — крови, и строится магический поиск.

— Лар, а расскажи мне про северян, — попросила я. — За что ты их не любишь?

— А за что их любить? — хмыкнул в ответ великан.

— То есть они...

— Нет, ты не так поняла, — поспешил перебил он. — Ничего в них страшного нет. Это личное, мне просто их рожи не нравятся. А так... да я ни с кем из них толком не общался, чтобы выводы делать!

— А с рожами что не так? — растерялась я.

— Уж очень нечеловеческие они.

— Вот ты о чем. — Я задумчиво кивнула. — Ну да, не поспоришь. Одни глаза чего стоят! Но вопрос не в этом. Что ты можешь о них рассказать интересного? Какие-нибудь национальные особенности, кроме внешности и мест обитания?

— Хм. Про них вообще немногое можно сказать, уж очень закрытое сообщество. Мало того, что до них еще добраться надо, они и добравшихся не слишком ласково встречают. Обогреть обогреют, накормят, вылечат, но близко к дому не подпустят. Но это касается только мужчин, — уточнил он. — Женщин принимают с удовольствием, охотно берут в жены. Какая-то у них там ерунда с рожаемостью, не хотят девочки на свет появляться — хоть ты тресни. В результате чудовищный процент, что-то около одной на десять ребят. У северян обидеть женщину — это чуть ли не самое страшное преступление. Правда, матриархатом и не пахнет. Они в общем-то практически исключительно за невестами со своих гор спускаются.

— А кроме семейных отношений ты хоть что-то знаешь? — мрачно спросила я. — Слезь уже с предыдущей темы!

— Не особенно, — пожал плечами Лар. — Они почти не чувствуют перепадов температур, когда температура остается ниже нуля, а вот жару переносят с трудом. У них эти шубы в наших широтах как раз от жары, по принципу термоса, чтобы не перегреваться. Но температура тела почти не отличается от нормальной человеческой. Может, чуть ниже. Еще что-то было, с магией связанное, но я не помню, надо подумать. Говорю же, я с ними лично не пересекался. Так, где-то что-то слышал, где-то что-то читал. Но если для тебя это важно, могу заглянуть в библиотеку.

— Да я сама узнаю, — отмахнулась я.

Но от проницательного собеседника не укрылось скользнувшее в голосе сомнение. Когда я еще до той библиотеки доберусь! Весь день в кузне. Сейчас надо срочно закончить с заказом для Пограничных, потом над работой для Таллия подумать, да еще несколько идей всплыть, которые давно уже собирались перенести с бумаги в металл...

— Ага. Когда-нибудь, когда передашь семейное дело внукам, — насмешливо прокомментировал мое заявление Лар. — С заказом для Пограничных закончим, и схожу, пока будешь железку для северянина планировать. Тем более что у меня больше шансов найти нужное. Уж не обижайся, но с литературой ты как батя, только в справочниках и сильна. Особенно по материаловедению и энергетическим линиям. Сама что твой справочник!

— Хотела бы поспорить, но спасибо, — улыбнулась я. — Кстати, о литературе. Что такое ты всю ночь читал?

— Да так, фантастика всякая юмористическая, — насмешливо отмахнулся он. — «Ветер с востока», не помню уж, кто автор.

— Погоди, — нахмурилась я. — Знакомое название. Только это же, по-моему, трагедия? — ошарашенно уточнила я. Может, путаю что-то? Во всяком случае, за Ларом прежде не замечалось склонности к подобному цинизму.

— Наверное, автор так и думал. Трагизма там хватает. — Здоровяк хохотнул. — Душепрепятственная история про молодого Пограничного стражи, попавшего в лапы к Серым и пытающегося вернуться домой к возлюбленной, где в конце все погибают.

— И что именно показалось тебе забавным? — спросила я, уже примерно догадываясь об ответе.

— Не считая того, что такой кретин убился бы в первой стычке с Серыми, если бы вообще пережил учебку? — уточнил он. — Пограничные интересуют их лишь мертвыми, это ты знаешь не хуже меня — раз. Серые не теряют бдительности, и сбежать от них, не убив предварительно всех, невозможно — два. У Пограничных не бывает невест — три. Это я уже не говорю о том, что облик Серых автор явно почерпнул из каких-то примитивных иллюстраций к чему-то вроде детской книжки, не удосужившись не то что в справочник по биологии заглянуть — зайди в музей естественных наук. Ну и так, по мелочи. Вечер скоротать — в самый раз.

— Понятно, — тяжело вздохнула я. Мы молча вернулись к работе, и как раз в этот момент звякнул колокольчик, впуская позднего посетителя.

— Добрый вечер, Нойшарэ, — вежливо поздоровался северянин.

— И тебе того же, — откликнулась я. — Подожди немного, мне чуть-чуть осталось. — Вскользь глянув на него, вновь впилась взглядом в серебристую палочку, зажатую в руке.

— Так это вы, стало быть, Таллий? — раздался за спиной подошедшего мужчины задумчивый бас Лара. Северягин вздрогнул — при своих габаритах бывший Пограничный удивительно ловок и бесшумен — и обернулся.

— С кем имею честь? — растерянно уточнил заказчик.

— Ларшакэн. Ассистент мастера Л'Оттар, — с неподражаемым выражением — одновременно насмешливым и гипертрофированно куртуазным — представился он. Я, упорно сверля взглядом Перст и плошку с кровью, навострила уши, с удовольствием прислушиваясь к разговору. — Значит, именно вы столь благородно проявили заботу о рене Нойшарэ?

— Зависит от того, что вы имеете в виду, рен, — мягко уточнил Таллий Анатар.

— Ну, как же? Я про недвусмысленное желание пообщаться с ее... обидчиками.

— Хотите сказать, это вы?

Хм. Кажется, я начинаю уважать бледнорожего. Чтобы с таким спокойствием обращаться к Лару при первом знакомстве, да еще при подобных обстоятельствах, нужно обладать большим мужеством. Или редкостной тупостью, но заподозрить в этом северянина было сложно.

— Как вы могли такое подумать, рен! Я хотел высказать благодарность за участие в судьбе бедной девочки и сообщить, что у нее уже есть защитники.

— Что ж, рен, вы меня утешили. Но, возможно, мне будет позволено узнать, кто именно тот мерзавец?

— Увы, рен, сия тайна погребена под пеплом времени, а я не знаю имен. Благородный отец рены Л'Оттар, рен Кайнашэн, унес эту тайну в могилу, будь его покой нерушим.

На этом месте я не выдержала и все-таки прыснула от смеха, с удовольствием отложила последний Перст и с хрустом размяла ладони.

— Лар, может, хватит?

— Милая Ойша, в этой глупши бедному пенсионеру попрактиковаться в изящной словесности — редкая удача, — оскалился он, наставительно подняв палец.

— Бедный пенсионер — это ты? — иронично поинтересовалась я, склоняя голову набок. — Хватит, ты уже переигрываешь. Тебе надо читать меньше старинных романов.

— Не придирайся к словам! — Ларшакэн фыркнул.

— Нойшарэ, я принес задаток, — оборачиваясь ко мне, прервал Таллий затянувшийся разговор ни о чем. К сожалению, прочитать что-то в его глазах не удалось: рен Анатар сохранял спокойствие степи в летний полдень.

Я приняла из его рук плотный кожаный мешочек и взвесила в руке.

— Тут по меньшей мере полторы сотни! — вопросительно изогнула бровь.

— Ровно полторы. Я хотел, чтобы...

— Та... рен Анатар? Какого... — раздался со стороны входа удивленный возглас нашего временного обитателя. — Какими судьбами в этих краях?! — с едва сдерживаемым раздражением процедил ужастик, в недоумении разглядывая северянина, с ленивой неторопливостью обернувшегося к нему.

— Сар Анагор. — Таллий отвесил глубокий церемонный поклон. Как у него получилось вложить в единственное движение столько ехидства, я не поняла, но позавидовала. — Честь для меня снова видеть вас живым.

— Что ты там, котенок, говорила про отсутствие связи? — Лар с сарказмом задавил перепалку в зародыше и задумчиво склонил голову набок.

— Котенок? — почему-то хором удивились чужаки и в недоумении уставились на меня. Я, поморщившись, проигнорировала непонятный интерес.

— Думаю, стоит задать им пару вопросов. Не трудитесь, сары души моей, любой ваш бросок я успею отбить, а срабатывание защиты привлечет сюда законников, — мягко качнул головой Ларшакэн, любовно оглаживая рукоять клинка. — Будьте любезны пройти вон в ту дверь. Ойша?

— Поднять щиты! — скомандовала я. — Пойдем, пойдем! Вчера он увильнул от разговора, но сегодня точно дожмем.

И я первой нырнула в проход, совершенно не боясь нападения сзади. Они не успеют, даже если попытаются. Физически не успеют предпринять что-то, что сможет ускользнуть от внимания Пограничного.

— Что за шутки Белого? — растерянно ахнула Кана, увидев нашу процессию. — Вы еще одного притащили? И куда мы их селить будем?!

— Это пока еще не гости, Кана. К тому же первого у нас оставили по твоей инициативе, так что на Серых не пеняй, — насмешливо сообщил Лар, прикрывая за собой дверь. — Присаживайтесь, сары.

Мужчины повиновались, неотрывно разглядывая великана. Грай — настороженно, с опасением и готовностью к драке, Таллий — с интересом и без страха. То ли действительно не боялся, то ли просто не знал, что нужно это делать.

— Прошу, Ойша. Женщины, вперед! — Пограничный приглашающе кивнул на гостей. Я фыркнула недовольно, но плюхнулась на стул.

— Грай, первый вопрос. Что это был за нож?

— Это государственная тайна, — мрачно отчеканил он. Северянин с непонятным выражением хмыкнул, но ничего не сказал.

— Лар, он, по-моему, не понимает, — вздохнула я, поднимая взгляд на великана. — Можно объясню?

— Мне принести инструмент? — живо поинтересовалась Кана, без приглашения усевшаяся за стол с желанием принять самое деятельное участие в разговоре. Или, по крайней мере, оказаться в курсе событий: наша домоправительница чрезвычайно любопытна.

Судя по выражению лиц обоих мужчин, эта непосредственность добродушной домохозяйки впечатлила их куда сильнее наших демонстративно-угрожающих обменов взглядами. Они же не знали, что в молодости милая и обаятельная во всех отношениях женщина работала специальным дознавателем, проще говоря — специалистом по пыткам, и ушла с этой должности отнюдь не из-за брезгливости, а по причине исключительно романтического характера.

— Без членовредительства. Пока, — качнул головой Лар. — Они вроде не дураки.

— Грай, напоминаю, это Приграничье, мы здесь местные, а вы оба — чужаки. Когда вы вдруг исчезните, никто не станет вас искать, поверь мне. А в случае чего долго расследовать тоже не будут, особенно если тело оставить где-нибудь в трущобах, где его еще и найдут очень нескоро. Твоя магия, конечно, грозное и опасное оружие, способное сокрушать города, да только не тебе тягаться в скорости реакции со старшиной Пограничных, пусть и в отставке. Но даже не это главное. Здесь королевское слово и королевские тайны стоят ничтожно мало, потому что король очень, очень далеко. Кем бы ты ни был, хоть бы даже особой голубых кровей, про тебя не спросят. То есть спросят, но очень вежливо и тактично,

без малейшей настойчивости и давления сверху. Король нашу вольницу терпеть не может и с радостью ее прикрыл бы, но он не идиот, чтобы делать это силой. Да ему вообще невыгодно ссориться с Приграничьем, и он наверняка это понимает.

Во-первых, пришедшему с мечом будет противостоять Пограничная стража при полной поддержке населения. Тебе, надеюсь, не надо пояснять, что значит полная поддержка населения, среди которого редкий ребенок старше семи лет не умеет стрелять и редкий мужчина старше семнадцати не владеет мечом? Гвардия, конечно, хороша вкупе с боевыми магами, но не против тех, кто провел жизнь в самом напряженном месте обитаемого мира. Не говоря о том, что никакая Гвардия не сравнится с Пограничной стражей, потому что гвардейцы иногда воюют и получают опыт все больше на учениях, а Пограничные сражаются всю жизнь с самым что ни есть серьезным противником. И наконец, во-вторых, мы — единственная преграда, которая сдерживает Серых, и если вдруг Приграничья не станет, эти твари с огромным удовольствием выпотрошат нежное, сочное, незащищенное подбрюшье Турана. И король это понимает. Ему хватило опыта давнего предка. Ирихон Кровавый, помнишь такого? — ухмыльнулась я.

Около трехсот пятидесяти лет назад король Турана Ирихон Второй не внял предупреждениям и не захотел строить крепости вдоль границы с Серыми. Тогда основная волна набега ударила не в крепкую стену Баладдара, а смела крошечный гарнизон символического укрепления севернее его. Резня, которую устроили почувавшие слабину соседи, добравшиеся до самой столицы, вошла в историю как самая страшная напасть за все время существования страны, затмив чуму и все войны. Король Ирихон, при жизни прозванный Кровавым, осознал свою вину и трусливо покончил с собой, так что власть пришлось принимать семнадцатилетнему наследнику — Ерашию Первому, впоследствии прозванному Стойким.

Каюсь, я получала удовольствие, высказывая все это Граю. Ужастик на самом деле ни в чем передо мной не провинился, я прекрасно это понимала, но удержаться не могла: меня несло, это было что-то вроде вдохновения, помноженного на желание выплеснуть все накипевшее, все собственное беспокойство и наконец-то удовлетворить любопытство. Лар поглядывал на все это с прячущейся в уголках губ улыбкой, но не возражал.

Тагренай держался достойно. Он смотрел на меня с задумчивым интересом, чуть наклонив голову к плечу и хмуря брови. Ни разу не перебил, лишь иногда чуть дергал уголком губ — не то нервно, не то выражая недовольство.

— Я, должно быть, напрасно не интересовался слухами и не подготовился с достойным тщанием к поездке сюда, — медленно, тщательно подбирая слова, ответил Грай, когда понял, что лекция окончена и теперь очередь за ним. — В моих полномочиях привлекать достойных доверия лиц к расследованию этого дела. Только мне нужны гарантии лояльности.

— Какие, например? — полюбопытствовала я.

— Откровенность на откровенность. — Он вскинул взгляд на все еще возвышающегося у двери Лара.

— Ее спрашивай, — иронично пробасил тот. — Это не тайна, просто неприятная история. Неприятная всем нам, но боль причиняет только Ойше.

— Ойша? — темные глаза внимательно уставились на меня. Я задумчиво хмыкнула.

Любопытство в обмен на воспоминания. Потеря намека на хорошее отношение в обмен на тайну, в которую я оказалась невольно втянута. Теряю я лишь неуловимую тень, без которой жила и раньше, но при этом вновь вспоминаю боль, с которой давно смирилась.

Зато приобретаю полезную информацию и удовлетворяю свое любопытство. Впрочем, сомневаюсь, что он действительно выдаст первым встречным какую-то важную тайну, но попытаться стоит.

Говорят, любопытство кошку сгубило.

— Мы ответим на твои вопросы, Грай, — кивнула я. — Так что это за нож?

— Неделю назад в столице нашли тело важного курьера, орудие убийства на месте преступления отсутствовало.

— И почему ты ищешь убийц здесь? — поинтересовался Лар, уже усевшийся на стул.

— Я, главным образом, ищу не убийц, а пытаюсь нащупать следы чего-то куда более серьезного. Дело в том, что курьер вез очень важную депешу. Предположительно информация эта касалась сущности и природы Серых и могла помочь навсегда избавиться от этой напасти. Увы, человек, отправлявший послание, также безвозвратно мертв, и все нити оборваны. Кто-то очень не хочет подобного исхода для наших соседей.

— Да кто во всем Приграничье может не хотеть раз и навсегда с ними разделаться?! — возмущенно выдохнула Кана, всплеснув руками.

— Не скажи, — качнул головой Ларшакэн. — Ратуша Баладдара — одно из наиболее безопасных мест во всем мире. Тем, кто сидит за ее стенами, не страшны никакие Серые. А как очень правильно высказалась на эту тему Ойша, вольница у нас действительно уникальная. Королю — бельмо в глазу, и он воспользуется любой возможностью, чтобы прижать нас к ногтю. Но простому люду это не принесет убытков. Подумаешь, налоги поднимут! Так и торговать станет удобнее, и траты на содержание Пограничных отпадут. И это не говоря о *спокойствии*, которое вообще бесценно. А кое для кого, кто не рискует каждый миг своей шеей, налоговые льготы и возможность по собственному усмотрению толковать законы — достойный повод оберегать Серых от полного уничтожения.

— А как, кстати, Пограничные отреагируют на возможность их роспуска? — уточнил, пользуясь случаем, Грай.

— Есть некоторые маньяки, — признал отставной старшина. — Но большинство сделают этот день своим личным праздником. За возможность навсегда разделаться с Серыми любой Пограничный отдаст свою душу на растерзание отродьям Белого. Да не только стражи, простые люди тоже будут готовы отдать за это очень многое. Так что в этом вопросе король может рассчитывать на безоговорочную поддержку местных жителей.

— Мне кажется или ты недоволен этим? — напряженно поинтересовался ужастик, разглядывая великана.

— Приграничье в таком случае потеряет определенную часть своего очарования. Я хочу, чтобы не стало Серых, но понимаю, что в случае их исчезновения мы перестанем быть такими, какие есть. Люди хорошо объединяются только перед лицом серьезной опасности извне, а вскоре после исчезновения оной здесь станет... так же, как и везде. Но я в любом случае за уничтожение этих тварей. Уже только потому, что дети не должны платить болью и страданием за доверие взрослых друг к другу.

— Дети? — нахмурившись, переспросил Грай.

— Ты так и не ответил, — перебила его я. — Откуда ты взял этот нож?

— Курьера сопровождал Пограничный страж. К счастью, эти ребята чрезвычайно приметны в столице, поэтому его запомнили в гостинице, где обнаружили труп курьера. Там нашли след, ведущий в Баладдар, а здесь вычислить его оказалось несложно, все-таки военные, легко узнать, кто отсутствует в казармах. Правда, к тому моменту, как я до них

добрался, страж отсутствовал слишком основательно: его нашли мертвым, вот с этим кинжалом в груди, через четверо суток после смерти курьера. Увы, кинжал слишком долго пробыл в теле стража, и выяснить, именно им или подобным убили посланца, невозможно. Меня беспокоил вопрос, как этот Пограничный умудрился оказаться в двух местах одновременно — никто не отмечал его длительного отсутствия — но появление перевертыша очень кстати напомнило о существовании этих примечательных существ. Судя по тому, что окружающие не заметили странностей в поведении стража в последние дни перед смертью, перевертыш под личиной как раз и сопровождал курьера. Зачем — боги знают! Но вряд ли для защиты: насколько мне известно, перевертыши хоть и копируют тело, и даже верхние слои ауры, полностью перенимат способы не могут. Скорее, для того, чтобы усыпить бдительности курьера. Личность его пока установить не удалось, да мне кажется, она особенной роли не играет. Вот, собственно, вся история.

— И тебе просто так отдали орудие убийства? — не поверила я.

— Нет, мне отдали его по официальному запросу вместе с заключением местных экспертов и описанием ритуала, причем с возвратом, — хмыкнул гость из столицы. — Следователь по тому делу не больно-то разговорчивый тип, даже с учетом местного колорита, но зато архивариус оказался общительным. Он и порекомендовал тебя как лучшего в городе оружейника. Впрочем, Таймарен Ла'Ташшор вроде бы согласился взять эту историю себе, а он потолковей будет. Есть ощущение, что взрыв и этот перевертыш относятся сюда же, но повода для официального объединения всех трех дел нет. Я ответил на твой вопрос?

— На этот — да, теперь следующий. Кто ты такой, кто он такой, насколько вы знакомы и как связаны цели вашего пребывания здесь?

Ужастик бросил неприязненный взгляд на северянина. Тот безмятежно улыбнулся уголками губ и посмотрел на меня.

— Если хочешь, я отвечу, — предложил он.

— Мы выслушаем обе версии, — хмыкнул Лар, перебивая собравшегося возражать Тагреная.

— Сар Анагор — эмиссар по *особым* поручениям его величества Ерашия Третьего, он служит в Тайной канцелярии, а я... зовусь «дальним братом», но фактически выполняю те же функции для Совета кланов Северного края. Я имел честь познакомиться с саром, когда ему отдали приказ устраниить меня за... недостаточную лояльность королевской власти и тесное сотрудничество с нелегальной организацией, узурпировавшей власть в Северной провинции Турана, так, кажется, это звучало в оригинале, — невозмутимо сообщил он. — Что же касается целей нашего пребывания тут, они действительно никак не связаны. Я говорил чистую правду, приехал сюда ради библиотеки и только, а распоряжение о заказе с приложенным к нему рисунком застало меня уже здесь. Просто Баладдар — небольшой город, а ты — лучший оружейник в нем.

— Грай? — Я перевела взгляд на ужастика.

Тот едва заметно поморщился, но кивнул:

— Все верно.

— И почему же ты его все-таки не убил?

— Он честно пытался, — с сочувственной ironией пожал плечами северянин.

Сейчас, когда эти двое сидели рядом, становилось понятно, что Таллий старше своего оппонента. Даже если по биологическому возрасту они близки, но... опыт, мировосприятие, отношение к жизни — все в сумме давало интересный эффект. Грай отнюдь не мальчишка,

но в сравнении с этим «дальним братом» выглядел именно таковым. Уже не щенок, но еще не взрослый зверь — *недопесок*.

— А потом? — уточнил Пограничный.

— А потом его отзвали, Совет нашел общий язык с королем.

— Любопытная история.

— Не спорю, — кивнул северянин. — Только уж больно длинная. Если вкратце пересказывать все, что успело случиться за те семь месяцев, которые мы играли в догонялки по территории обитаемого мира, мы просидим тут пару дней. — Он развел руками.

— Еще что-нибудь? — осведомился Грай. Мы с Ларом переглянулись и одновременно растерянно пожали плечами, а Кана недовольно фыркнула и пошла греметь кастрюлями, красноречиво выражая собственное отношение. Ну да, тайна оказалась совсем не такой страшной, как могла... — Раз ко мне вопросов больше нет, может, вы уже расскажете, что происходит с Ойшей?

— Да это, в общем, тоже тот еще секрет, — фыркнул Ларшакэн. — Почитай, полгорода знает. Был бы ты из Приграничья, тебе бы любой местный рассказал.

— А тебе это вообще зачем? — полюбопытствовала я, перебив ворчание старшего товарища.

— Во-первых, напугать меня довольно сложно, а ты вчера вечером выглядела по-настоящему страшно. Глупо не попытаться разобраться в природе такого явления. Во-вторых, я просто не люблю что-то не понимать, особенно что-то настолько серьезное. А в-третьих, вдруг я смогу помочь? — Он пристально посмотрел на меня, будто пытался через глаза заглянуть в душу.

— Развелось помощников, — скривилась я, а Лар торжествующе хмыкнул. Я даже смотреть в его сторону не стала. Что я, не знаю, как выглядит его довольная рожа? Тьфу! — Ничем ты мне не поможешь. Ни ты, ни друг твой, — я кивнула на северянина. — Со мной уже ничего не происходит, я просто живу. Точнее, происходит, но самые значимые события последнего времени — вы двое и тот тип, что пытался меня вчера убить.

— То есть ты хочешь сказать... — ехидно начал Тагренай.

— Я хочу сказать, что ты неверно сформулировал вопрос, — оборвала его, чуть повысив голос, и смерила недовольным взглядом. — Я просто Порченая, только и всего.

— Но это же сказки! — изумленно воскликнул ужастик, разглядывая меня с недоверием. Я лишь хмыкнула, а северянин с недоумением спросил:

— И что в тебе испортилось?

— Да обычная страшилка, чтобы дети домой возвращались вовремя, — с еще большим недоверием ответил Грай, сосредоточенно хмурясь. — Говорят, что Серые воруют детей и из них выращивают отродий — тварей, внешне похожих на них самих. Только, если верить этой сказке, отродья являются порождениями полусферы Хаоса, нечто вроде големов, или, скорее, элементалей, они всегда на острие атаки, и уничтожить их почти невозможно. Или в другой версии, просто превращают детей в себе подобных. А Порченые — это те, кому каким-то чудом удалось избежать такого исхода. Но из человека нельзя сделать духа стихии, это... невозможно!

— Про отродий я за годы службы никогда не слышал и в глаза их не видел, так что это точно сказка. Серые делают из человеческих детей себе подобных. Со взрослыми этот фокус, видимо, не проходит, потому что живыми они взрослых не берут, а детей — воруют. Когда мы вытащили оттуда Ойшу, в ней уже оставалось очень мало человеческого, — пожал плечами

Лар. — За спасение ее души и разума Кай заплатил мастеру Смерти половиной своей жизни. Впрочем, тот старик, хоть и не остался внакладе, плату отработал сполна и очень честно. Да и умер Кайнашэн спокойным, а это стоит дороже, чем жизнь до ста лет в муках. — Последняя фраза адресовалась исключительно мне.

Вспоминая эту историю, бывший Пограничный не уставал повторять, что я ни в чем не виновата перед отцом и, сложись все иначе, он сам бы себя проклял. Я знала, что старшина прав — отец сам часто повторял это и действительно умер в покое — но все равно чувствовала свою... не вину, нет. Скорее, ответственность перед его памятью, и изо всех сил старалась оправдать его надежды.

— Но... как?! — Ужастик в полной растерянности переводил взгляд с меня на Ларшакэна и обратно.

— Не знаю. — Я вздохнула. — Когда сработало оповещение о нападении, я была в гостях у подруги, их дом находился ближе к стене. Серые тогда очень быстро ворвались в город. Ее беременную мать, которая оставалась с нами дома, убили. Та пыталась спрятать нас в подполе, но Серые не настолько тупые, как принято считать. Нас вытащили, уволокли в лагерь. А там... когда все это случилось... мне было девять лет, и о магии я знала очень мало. Они проводили какие-то ритуалы на крови с плясками, ритуальными песнями, какими-то непонятными запахами, после ритуалов на память оставались тонкие, быстро подживающие царапины. — Я прикрыла глаза, погружаясь в воспоминания. — Сначала это было страшно, потом привычно, а потом больно. Никто не бил, не пытал, боль приходила изнутри, сама. Наверное, так умирали моя душа и разум, изменялось тело. Сначала я жила между этими приступами, с ужасом ожидая следующего ритуала. Потом... между ними не осталось ничего, и я жила только ими. А позже, когда не осталось уже почти совсем ничего, я очнулась в своей постели, а возле меня на коленях стоял отец и рыдал. Это, наверное, был единственный случай на моей памяти, когда он плакал. Подругу спасти не удалось: к тому моменту, когда за мной пришли, я, кажется, единственная еще сохранила хоть какие-то человеческие черты. Вот и вся история. Я потом долго привыкала к тому, что снова человек, и так до конца не привыкла. Но с этим можно жить. Главное, держать себя в руках и... не убивать, — резюмировала со вздохом. Почему-то сейчас было почти не больно это вспоминать. Может, и правда переболела? — До недавнего времени мы полагали, что последняя проблема отпала, смерть Серых больше не оказывает на меня такого психологического воздействия. Но, как оказалось, смерть от моей руки кого-то, кроме этих тварей, все равно выбивает из колеи.

— Почему ты ушел из Пограничной стражи? — с расстановкой спросил ужастик после долгого молчания, нарушающего только стуком ножа по доске, тихими всхлипами занятой стряпней Каны и звуком часов.

— Хорош же из меня после этого старшина, — иронично хмыкнул великан.

— Ты ушел без приказа? — понимающе уточнил Грай.

— Это само собой, но я не потому подал в отставку. Старшина отвечает за людей. А когда за кровавой пеленой ярости различаешь только «свой-чужой», отдавать и выполнять приказы не очень-то получается, — насмешливо ухмыльнулся Лар. — У меня с тех пор на этих тварей нечто вроде хронической аллергии: когда они рядом, я впадаю в бешенство.

— И часто здесь такое случается? — мрачно спросил Тагренай.

— Не так чтобы, — пожал плечами Ларшакэн. — Но регулярно. Воруют детей достаточно часто, а вот спасти не удается почти никого, обычно это везение или

случайность. Но в той сказке про Порченых мало правды, ничего страшного и потустороннего в котенке нет. Если ее не злить, — ехидно резюмировал Лар и взъерошил мне волосы. Движение было столь молниеносным, что я даже пикнуть не успела в знак протеста, только недовольно оскалилась, сморщив нос, и пригладила встопорщившиеся прядки.

— Пользуешься, что я с тобой не справлюсь, да? — возмутилась, несколько переигрывая. — Кстати, а почему вы хором удивились, когда Лар меня котенком назвал? — Я с любопытством переводила взгляд от одного мужчины к другому, не зная, кто из них решит ответить.

К моему удивлению, этот вопрос вызвал куда больше эмоций, нежели весь предыдущий серьезный разговор. Ларшакэн расхохотался, а северянин с ужастиком смущенно переглянулись и дружно уставились в разные стороны; первый принял шарить по внутренней поверхности своей шубы, будто разыскивая что-то (может, блох ловил?), а второй вдруг очень заинтересовался старыми ходиками на стене.

— Что это значит? — вытаращилась я на довольного Лара. — Ты ведь понял, о чем речь?!

— Да. Но ты опять начнешь ругаться.

— Тебе их жалко, что ли? — окончательно растерялась я.

— Да их хоть поубивай, мне...

— Ой, а можно, да? — Видимо, радостное восклицание получилось чрезвычайно убедительным, потому что мужчины вдруг дернулись в разные стороны, едва не попадав со стульев. Даже Таллия проняло!

Я самодовольно улыбнулась, чувствуя себя отмщенной. Хотя, подозреваю, на руку мне сыграл эффект неожиданности.

— Ойша, — укоризненно нахмурился Лар, но губы великана неудержимо расползлись в улыбке. — Хватит гостей пугать. Но мне кажется, что ты начнешь ругаться на меня, а не на них.

— Лар! — Я скопировала его полную укора гримасу.

— Да уж могла бы догадаться. Я-то тебя так называю, потому что от Кая перенял, и вообще ты мне как дочь. Но эти-то не знали, вот и посчитали меня твоим полюбовником. Я же говорю, мужики на тебя стойку сделали, а мозги от этого хорошо отшибает. Ладно, Таллий, он новенький, но Тагренай уж мог бы заметить, что для ревности тут повода нет, — с издевкой заключил Лар, смерив последнего говорящим взглядом.

Я же, упервшись локтями в широко расставленные колени, со стоном согнулась пополам, низко склонила голову и накрыла ее сверху ладонями.

— Как вы меня все... в последнее время... залюбили! Обострение у вас, что ли? Как раз весна, — глухо пробурчала, разглядывая гладкие, потемневшие от времени доски пола. — Шли бы вы все к Вечному Мертвому в задницу! — с расстановкой прошипела все тому же полу и резко всталася. Ни на кого не глядя, подошла к шкафу, взяла оттуда несколько нужных книжек и, не оглядываясь, направилась к лестнице.

— Ойша, я не помешаю? — Ужастик осторожно заглянул в полутемное помещение лавки. Я скользнула по нему взглядом и, недовольно фыркнув, опять уткнулась в книгу. Ухода тактичного Таллия, который не спешил разговаривать со мной разговоры, я демонстративно не заметила. Но маг явно оказался настроен решительней, поэтому пришлося отвечать:

— Зависит от цели визита. Судя по твоей настороженной физиономии, помешаешь. Но тебя же это не остановит, верно? Единственное, предупреждаю: если начнешь извиняться, я тебя ударю. Скорее всего, мечом.

— Все-таки ты очень необычная девушка, — задумчиво проговорил он. — Даже с учетом Приграничья.

[**Купить полную версию книги**](#)

---

notes

Сноски

Ренирена — наиболее распространенное вежливое обращение к людям своего круга. К людям заведомо более старшего круга принято обращаться **сарисарта**, низшего — **нийиния**. — *Здесь и далее примеч. авт.*